

КУКЛОВОД

Второй оператор

Александр Колючий, АКИ

Александр (Колючий)

Кукловод: Второй оператор

«Автор»

«Автор»

2026

(Колючий) А. Л.

Кукловод: Второй оператор / А. Л. (Колючий) — «Автор»,
«Автор», 2026

Он — Кукловод. Единственный, кто способен подчинять армии машин силой мысли. Но за каждое погружение в сеть он платит собственной памятью. Алексей фон Шварц, двадцать лет бывший набором данных в военном чипе, обречён терять себя по кускам, чтобы удержать мир от окончательного краха. Дорога ведёт его в «Заслон» — поселок, построенный его бывшим учеником, где его ждут ответы, лечение и новый шанс. Но за ним уже идёт Корпорация «Штерн», а в глубине мёртвых земель пробуждается нечто, что ищет его двадцать лет. Второй оператор уже существует. И он носит его лицо. Продолжение культовой серии «Кукловод» — это история о цене могущества, о выборе между человечностью и силой, о любви и предательстве. Александр Колючий снова погружает читателя в мир, где техника стала продолжением человека, а память — разменной монетой.

© (Колючий) А. Л., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр (Колючий)

Кукловод: Второй оператор

Глава 1

Туман был плотным.

Фары пробивали его метров на двадцать, дальше стояла серая стена. Дворники скребли по бронестеклу, размазывая влагу вперемешку с угольной пылью. Получалась грязная плёнка, которую надо было пережить: следующий взмах уносил её вбок, и на две секунды появлялся мир. Потом всё повторялось.

Катя вела на сорока, не быстрее. Правильно вела. На большей скорости мы влетели бы в первую же воронку.

Я сидел в пассажирском кресле и слушал собственное тело.

Диагностика. Мышцы работают. Шестнадцать часов в «Саркофаге» сделали своё: порванные волокна срослись, воспаление снято, продукты распада вымыты из крови. Спина не болит. Пальцы слушаются. Я сжал правую кисть в кулак, разжал, снова сжал. Отклик чистый, без задержек и без тремора. Впервые с момента пробуждения эта органика вела себя как исправный механизм.

Но запас был конечным. Регенерация не вернула мне ресурс. Она вернула мне ноль. Чистый лист. Восемьдесят килограммов мяса, которое не двигалось двадцать лет и которое собрали заново трое суток назад. Мышечная масса есть, потому что её напечатали. Выносили-ности нет, потому что её не печатают.

Расчёт: четыре часа умеренной нагрузки. Потом откат.

Мало. Катастрофически мало.

Я повернул голову. Шейные позвонки коротко хрустнули.

— Сколько мы прошли?

Катя не отрывала взгляда от дороги.

— Километров восемнадцать от Шлюза. — Она перехватила руль поудобнее. — Тут тракт кончится, дальше грунт пойдёт. Будет трясти.

— Сбрось до тридцати на грунте. У нас в кузове незакреплённый груз.

— Твоя железка? — она фыркнула. — Пусть катается. Ей не больно.

— Ей не больно. А её погнутые направляющие потом никто не выправит. Тридцать.

— Поняла, — процедила она.

Я перевёл внимание на приборную панель.

Броневи́к был корпоративный. Трофей с того самого конвоя, который мы выпотрошили ради биопринтера. Хорошая машина. Восемь цилиндров, композитная броня по борту, полный привод, ресурс в баках на четыреста километров. Электроника простая, армейская, без лишнего: чем меньше в машине умного, тем меньше в ней ломается.

Я мысленно постучался в бортовой компьютер.

«Слушаю, Хозяин».

Голос прозвучал внутри черепа. Плоский, без интонаций. Сухая машинная подача, лишённая человеческих обёрток.

— Статус.

«Двигатель — норма. Давление масла — норма. Температура — шестьдесят восемь. Топливо — восемьдесят два процента. Внешние сенсоры активны. Радиоперехват активен. Эфир чист».

— Память.

«Локальный кэш: четыре гигабайта. Архивы: отсутствуют. Журналы Лаборатории: отсутствуют. Библиотека протоколов: частично».

Я закрыл глаза.

Всё верно. Я сам залил в эту коробку урезанное ядро перед выездом. Взял алгоритмы наблюдения, диагностику, охранный контур — всё, что помещалось. Ядро памяти Лаборатории осталось в стойках под бетоном. Двадцать лет логов, архив службы безопасности, записи камер — все эти зернистые чёрно-белые куски моего прошлого, которые вытаскивали из меня воспоминания, как крючком тянут леску.

Я оставил их там.

Взвешенное инженерное решение. Терабайты мусора против четырёх гигабайтов рабочего кода. Носитель в броневику не потянул бы и десятой части архива, а тащить с собой серверную стойку было физически невозможно. Я выбрал функцию.

Правильно выбрал.

Только теперь опровергать её стало нечем.

Я приоткрыл глаза и посмотрел на Катю.

Она всё слышала. Не мой мысленный канал, конечно, — я держал его закрытым. Но она слышала, как я спросил про память, и видела, как я замолчал после ответа. Женщина считывает такое лучше любого сканера.

Я зафиксировал изменения. Плечи опустились на полтора сантиметра. Хват на руле ослаб. Челюсть расслабилась. Частота дыхания упала с восемнадцати до четырнадцати в минуту.

Она выдохнула. Впервые за всю дорогу.

Ей стало легче от того, что архивов больше нет.

Я не стал это комментировать. Просто записал в кэш.

Асфальт кончился через двадцать минут. Оборвался резко, будто кто-то отпилил его по линейке. Дальше шла глина, перемешанная с битым щебнем и залитая дождевой водой. Колея глубокая, с накатанными за годы бортами, местами просевшая. Броневику тяжело сел на подвеску и пошёл вперевалку.

Катя сбросила до тридцати. Без напоминания.

— Далеко ещё? — спросила она.

Я вывел карту на внутренний экран. Ту, что дал Неизвестный. Северное направление, узкая нитка старого технологического тракта, потом развилка у разрушенной насосной, потом подъём в предгорье.

— Он сказал: двое суток пешего перехода. На колёсах — четырнадцать часов, если не встрянем. Значит, шестнадцать. Закладываем на поломки и объезды.

— Ночевать в машине?

— Ночевать не будем.

Она резко повернула голову.

— Совсем?

— Я поведу вторую половину.

— Ты, — она хмыкнула. — Леша, ты трое суток как ходить научился.

— Я управлял двенадцатитонной машиной, будучи набором данных в армейском чипе.

Руль — это не проблема. Проблема — усталость оператора. Твоя, не моя. Спать будешь ты.

Она открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

— Ладно, — буркнула наконец. — Только не убей нас.

Дальше ехали молча. Минут сорок.

Я использовал это время по назначению.

Информации у меня не было. Вообще. Последние сутки я провёл в химическом растворе, до этого был бой, до этого отключка. Всё, что я знал о внешнем мире, устарело на трое суток. А

трое суток назад я убил элитного офицера особого отдела Корпорации «Штерн» и восьмерых бойцов из его группы.

Такое не спускают. Такое заносят в отчёт и отрабатывают.

Мне нужен был эфир.

— Сторож. Ищи передатчик.

«Уточните параметры».

— Любой стационарный узел связи в радиусе трёх километров. Работающий или с остаточным питанием. Ретрансляторы, маяки, аварийные вышки, блокпосты. Мне нужна антенна, к которой можно подключиться физически или с короткой дистанции.

«Принято. Сканирую».

Три минуты.

«Обнаружен объект. Азимут двадцать два. Дистанция восемьсот метров. Стационарный ретранслятор гражданского диапазона. Питание остаточное. Сигнатура соответствует оборудованию Рода Силур».

Знакомая картина. Мы уже вскрывали такой по дороге к Вадиму.

— Катя. Через семьсот метров будет съезд направо. Возьми его.

— Зачем? — она напряглась. — Мы же идём по прямой.

— Мне нужна связь.

— Тебе нужна связь или тебе нужно опять полезть головой в провода?

Я повернулся к ней.

— Мне нужно знать, что Корпорация сделала после гибели своей группы. Если они подняли авиацию, мы через три часа станем пятном на этой глине. Если они закрыли квадрат карантином, мы едем дальше спокойно. Разница между этими двумя вариантами — наши жизни. Сворачивай.

Она сжала губы. Но свернула.

Ретранслятор стоял в низине.

Ржавая трёхногая мачта метров двадцати высотой, оплетённая гнилыми тросами-рас-тяжками. Внизу — бетонный короб аппаратной, дверь сорвана с петель, внутри всё вынесено мародёрами лет пятнадцать назад. Пол засыпан битым стеклом и обломками кабельных лотков. Уцелел только силовой шкаф с намертво прижавевшими дверцами и солнечная панель на крыше короба, наполовину засыпанная угольной пылью.

Этого хватало. Панель давала крохи, крохи копились в буфере, буфер держал приёмный тракт в спящем режиме. Классика сначала советской, а потом силуровской инженерии: строить так, чтобы работало даже когда всем стало плевать.

Катя остановила броневик в пятидесяти метрах, носом на выезд. Правильно поставила. Учится.

— Двигатель не глуши, — сказал я.

— И не собиралась.

Я откинул голову на подголовник и закрыл глаза.

И нырнул.

Мир изменился.

Серый туман, глина, ржавое железо — всё это ушло на второй план, поблёкло, потеряло значение. Поверх реальности проступила другая схема.

Зелёные нити.

Тонкая одиночная линия тянулась от солнечной панели к силовому шкафу. Пульсировала медленно, с большими паузами — низкий заряд. От шкафа шёл толстый жгут вверх, к антенным блокам на мачте. Там, в двадцати метрах над землёй, висело плотное облако из нулей и единиц: приёмный тракт слушал эфир, сортировал шум и выбрасывал его, потому что писать было некуда.

Я сфокусировался.

Облако дрогнуло. Хаотичное мельтешение символов начало выстраиваться в структуру. Появились границы блоков, границы протоколов, служебные заголовки. Мусор отошёл на периферию и потускнел.

Я нашёл окно и вошёл.

Никакого сопротивления. Здесь нечему было сопротивляться — гражданский узел без единого слоя защиты, брошенный вместе со всей страной.

Дальше была сеть.

Я расширил захват. Ретранслятор был слепым сам по себе, но он слышал соседей: такие же мачты, разбросанные по пустоши в тридцати-сорока километрах друг от друга. Они перекликались служебными пакетами, поддерживая полумёртвую топологию, которой давно никто не пользовался.

Но по ней шёл чужой трафик.

Корпоративный. Плотный, тяжёлый, зашифрованный. «Штерн» использовал старую силуровскую инфраструктуру как транспорт — экономил на собственных вышках в мёртвых квадратах.

Дешёвка. Шифрование третьего уровня, коммерческий стандарт. Мой собственный движок под новой шкуркой.

Я вскрыл его за две секунды.

Сводка легла передо мной чистым текстом.

Оперативное донесение. Сектор Северо-Запад. Квадрат 14-Д.

Группа «Молот-9», офицер особого отдела М. Риттер — связь утрачена.

Аварийные маяки не отвечают. Биометрия не транслируется.

Последние подтверждённые координаты: объект «ДОТ-7».

Статус объекта изменён на «Красный».

Решение: квадрат закрыт. Наземный досмотр отложен. Причина: нерентабельность.

Планируемое действие: термическая обработка объекта по остаточному принципу.

Срок — от четырнадцати суток.

Я прочитал это дважды.

Нерентабельность.

Они не стали посылать вторую группу. Они посчитали стоимость спасательной операции, сравнили её со стоимостью одного офицера и восьми бойцов и вычли обоих из баланса. Через две недели над бетонной коробкой, где я родился заново, отработает авиация. Не потому что там кто-то есть. Потому что так дешевле, чем выяснять.

«Списанный актив. Красная строка в бухгалтерском отчёте».

Я сам сказал это Риттеру. Там, в сборочном цехе, через динамики под потолком.

Я оказался прав. Меня это не порадовало.

Я двинулся дальше по потоку, вычёсывая то, что интересовало по-настоящему. Запросы. Ориентировки. Приказы на поиск.

Ничего.

Ни одного пакета с моей сигнатурой. Ни одной ориентировки на броневики. Ни слова про «скоростного» в экзоскелете, который раскатал элитную группу по бетону.

Риттер не успел передать. Глушилки Лаборатории сработали как надо. Он вошёл внутрь, попал в клетку Фарадея и умер там вместе со всей информацией, которую собрал.

Корпорация не знает обо мне. Корпорация знает только, что в квадрате 14-Д что-то жуёт её людей и что чинить это невыгодно.

Идеально.

Я расширился ещё. Жадно. Мне нужно было больше: сводки по Шлюзу, движение конвоев, состояние северных трактов, всё, что лежит на маршруте. Я пустил щупы сразу по шести каналам.

Поток хлынул внутрь.

Я держал его ровно семь секунд.

Потом в затылок вошёл раскалённый штырь.

— ...Леша! Леша, чёрт тебя дери!

Меня трясли за плечо.

Я открыл глаза.

Броневи́к стоял поперёк колеи, накренившись на правый борт. Двигатель ревел на высоких оборотах — Катя держала педаль, не давая машине заглохнуть в жиже. Правое переднее колесо висело над краем воронки. Глубокой. Метра три, и на дне чёрная вода.

— Что произошло, — сказал я. Голос вышел ровным.

— Ты вырубился! — она орала мне в лицо. — Я тебя дёрнула, ты не отреагировал! Я думала, всё! Я отпустила руль, я к тебе полезла, а мы в это время катились!

— Ты отпустила руль.

— Я к тебе полезла!

— В следующий раз не отпускай руль.

Она смотрела на меня секунды три. Потом отвернулась, воткнула заднюю и очень аккуратно, по сантиметру, вытащила машину из-под края воронки на твёрдое. Плечи у неё ходили ходуном.

Из носа у меня текло. Я провёл тыльной стороной ладони под ноздрями. Кровь. Много. Уже на водолазке.

— Сторож. Диагностика.

«Давление сто шестьдесят на сто. Пульс сто двенадцать. Зафиксирован разрыв капилляров носовой полости. Температура коры повышена на один и четыре. Рекомендация: покой».

— Сколько я был вне контакта?

«Четыре минуты двенадцать секунд».

Четыре минуты.

Я держал поток семь секунд. Остальные четыре минуты мой мозг что-то делал. Что-то, чего я не помню.

Я запустил внутреннюю проверку. Быстро, по верхам. Данные из сводки на месте: «Молот-9», нерентабельность, четырнадцать суток. Карта на месте. Маршрут на месте. Схема аналогового моста, который мы собрали из платы гражданского дрона, на месте — до последнего контакта, до последней капли припоя.

Технический слой цел.

Я пошёл глубже.

И упёрся в пустоту.

— Катя.

— Что? — огрызнулась она, не поворачиваясь.

— Где мы были до этого?

— В смысле?

— Перед выездом. Последняя точка. Где мы ночевали.

Она затормозила. Медленно повернула голову.

— В гараже, — сказала она осторожно. — Мы вышли оттуда два часа назад.

— В чьём гараже?

Тишина.

Я видел, как у неё расширился зрачок живого глаза. Как оптика правого коротко жужжала, перефокусировавшись с дороги на моё лицо.

— У Вонга, — сказала она. — Леша. У Вонга. Старик. Механик. Китаец. Он тебе рубашку расстёгивал, потому что у тебя пальцы не работали. Он тебе экзоскелет паял шесть часов. Он с тебя денег не взял.

Я слушал.

Гараж я помнил. Высокий потолок, люминесцентные лампы, идеальный порядок на верстаках, гидравлический пресс в углу, токарный станок, лебёдка на рельсе. Помнил запах жжёной канифоли. Помнил душевую кабину, сваренную из ржавого железа, и деревянную решётку под ногами. Помнил ледяную воду и кусок технического мыла, пахнущего щёлочью.

Помнил схему на мониторе. Помнил номера деталей. Помнил, что температуру пайки пришлось сбавить до двухсот шестидесяти, иначе поплыл бы кристалл.

Человека не было.

Там, где должен был стоять человек, была дыра с ровными краями. Не забывание. При забывании остаётся ощущение, зацепка, край, за который можно потянуть. Здесь края не было. Здесь не было даже понимания, что чего-то не хватает, — пока мне на это не указали.

Стёрто чисто. Как выжигают сектор.

— Ты издеваешься? — тихо спросила Катя.

— Нет.

— Ты серьёзно его не помнишь.

— Я помню его гараж, — сказал я. — Я помню его инструмент, его оборудование и качество его пайки. Я не помню его лицо, его голос и его имя.

Она смотрела на меня.

— А меня? — очень тихо.

— Тебя помню.

Она выдохнула.

Рано выдохнула. Я не стал говорить ей, что проверил это в первую очередь. Через две секунды после того, как понял, что произошло. До карты, до маршрута, до сводки Корпорации.

Дальше я считал.

Холодно, по фактам, потому что паника — это лишняя нагрузка на сердечно-сосудистую систему, а моё сердце сегодня уже работало на пределе.

Факт первый. Я нырнул в сеть на четыре минуты и вышел с дырой в биографической памяти.

Факт второй. В Лаборатории я тоже нырял. Много и глубоко. И каждый раз после этого болела голова, шла кровь, а Сторож рапортовал о перегрузке коры. Тогда я списывал это на адаптацию. На то, что новые нейронные мосты горят под нагрузкой, потому что они новые.

Факт третий. Технический слой не пострадал ни разу. Ни одной формулы, ни одного протокола, ни одной строчки кода я не потерял.

Вывод напрашивался сам.

Мозг — носитель конечного объёма. Когда мне требуется место под поток, система освобождает его. Не случайно и не хаотично. Она выбирает то, что реже всего запрашивается и меньше всего влияет на решение текущих задач.

Она чистит балласт.

Лица. Имена. Люди.

Я откинулся на подголовник и смотрел, как дворники размазывают воду по бронестеклу. Это надо было чинить.

Не терпеть, не обходить — чинить. Двадцать лет назад, когда мы обкатывали первые версии интерфейса, у нас была ровно такая же проблема с операторами. Мозг под пиковой нагрузкой сбрасывал периферию. Мы тогда писали демпферы, ставили ограничители, резали пропускную способность вдвое — лишь бы пилот после боя мог узнать собственную жену.

Значит, решение существует. Я его уже однажды находил.

Я помню эти совещания. Я помню, как орал на отдел за каждый лишний процент нагрузки. Помню запах кофе в переговорной и то, как гудела вентиляция.

Забавно.

Я не помню ни одного лица с тех совещаний.

— И что теперь? — спросила Катя.

— Теперь я это лечу.

— Как?

— Пока не знаю. — Я вытер остатки крови с губы. — Но механизм понятен, а раз механизм понятен, он поддаётся правке. Мне нужен нормальный носитель, нормальная диагностика и человек, который разбирается в нейроинтерфейсах не хуже меня.

— И где ты такого возьмёшь?

— В «Заслоне». Он сам меня туда позвал.

Катя хмыкнула.

— А если он тебя туда позвал как раз за этим? Чтобы посмотреть, как ты себя по кусочкам стираешь?

Хороший вопрос. Я его уже задавал себе.

— Тогда мы это выясним, — сказал я. — А пока — правила. Первое: я не лезу в сеть без необходимости. Второе: каждое погружение я обосновываю заранее вслух, чтобы ты слышала. Третье: ты держишь время и выдёргиваешь меня по истечении лимита.

— Каким лимитом?

— Десять секунд.

— А сегодня сколько было?

— Двести пятьдесят две.

Она медленно повернулась ко мне.

— Двести пятьдесят две секунды — это один человек, — сказала она. — Это Вонг. Значит, десять секунд — это что? Палец от него? Голос?

Я не ответил.

Потому что она была права, и потому что арифметика здесь не работала. Память — не линейный диск. Она не стирается пропорционально времени. Она стирается кластерами, и какой кластер уйдёт следующим, я предсказать не мог.

Она молчала километров пять.

Я думал, злится. Мне было всё равно: злость не влияет на качество вождения, а на всё остальное мне не хватало ресурса.

Потом она свободной рукой полезла в нагрудный карман куртки.

Достала тетрадь.

Обычная, маленькая, в мягкой обложке. Мятая, с загнутыми углами. На обложке был напечатан столбик граф под заказ-наряды: «Клиент», «Работа», «Сумма». Квитанционная книжка из гаража. Она забрала её оттуда — то ли попросила, то ли просто сунула в карман, пока грузились.

Катя положила её на колено. Достала карандаш: огрызок, синий, с обкусанным концом. Перехватила руль левой рукой, а правой начала писать. Криво, толчками, дёргаясь на каждой кочке.

Пять классов начальной школы, купленных ценой отцовской мечты.

— Что ты делаешь? — спросил я.

Она не подняла головы.

— Записываю.

— Что именно?

— Тебя, — сказала она.

Карандаш скрипел по дешёвой бумаге.

Я включил зум и прочитал через её плечо. Первая страница, первая строка, крупные неровные буквы:

Вонг. Механик. Гараж в Шлюзе. Старый, азиат, злой, но добрый.

Чинил Паука. Чинил тебя. Денег не взял. Сказал — приезжайте ещё.

Ниже, чуть мельче:

Зубр. Прапорщик. Железная рука. Дал нам пулемёты.

Ещё ниже:

Я — Катя.

Она дописала последнюю строчку, подумала секунду и дважды обвела её карандашом. Сильно, продавив бумагу.

Потом закрыла тетрадь и убрала обратно в карман.

— Зачем? — спросил я.

— Затем, что железке твоей веры нет, — она кивнула на панель. — Ты сам её обкорнал. А бумага не горит и не разряжается.

— Бумага горит.

— Не умничай.

Я смотрел на оттопыренный нагрудный карман её куртки.

Внешнее хранилище. Автономное, не подключённое ни к одной сети, недоступное для перехвата, не требующее питания. Носитель, который нельзя стереть дистанционно, нельзя взломать и нельзя подделать.

И единственный ключ доступа к нему — человек, который умеет читать собственный почерк.

Я произвёл переоценку.

До этой минуты она была транспортом, руками и огневой единицей. Полезно, но заменяемо. Теперь она стала архивом.

Ценность объекта выросла.

Я отметил это и тут же отметил второе, следом.

Архив, который ходит сам по себе, умеет злиться, умеет уходить и умеет однажды решить, что записанное в нём принадлежит ему.

Это не только ресурс.

Это ещё и уязвимость.

Я закрыл глаза. Голова гудела ровно и глухо, как трансформатор под нагрузкой. Надо было спать, но спать было нельзя: я обещал сесть за руль через два часа, а обещание, данное водителю, — это не сантименты, а логистика.

— Катя.

— Ну?

— Если я ещё раз вырублюсь в дороге — держи руль. Меня не трогай.

— А если ты сдохнешь?

— Тогда ты остановишься и проверишь пульс. Через две минуты. Не через две секунды.

Она долго молчала.

— Урод ты, Леша, — сказала она наконец, без злости. Просто констатировала.

— Я эффективный.

— Одно другому не мешает.

Броневи́к шёл на тридцати, разгребая колёсами жидкую глину.

Впереди, в двухстах километрах к северу, стоял завод, на котором меня ждал человек, называвший меня Учителем и знавший обо мне больше, чем я сам.

За спиной, в кузове, лязгал на кочках мёртвый экзоскелет с двадцатью минутами хода.

А в кармане у сидящей рядом девчонки лежала тетрадь, в которой я помещался на пол-страницы.

Глава 2

Я сел за руль через два часа семь минут.

Катя не спорила. Она просто остановила машину посреди колеи, вылезла под морось, обошла капот, дёрнула мою дверь и мотнула головой: вылезай. Мы поменялись местами молча, как меняются в карауле.

Сиденье было прогрето её телом. Неприятное ощущение. Чужое тепло на пластике.

Я подвинул кресло назад до упора. Взялся за руль.

И на секунду завис.

Оплётка была рифлёной, жёсткой, местами затёртой до гладкости. Под ладонями чувствовалась каждая полоска протектора. Пальцы правой руки сомкнулись на ободке, мизинец лёг в углубление, которое чей-то мизинец протирал там годами.

Двадцать лет.

Я водил через камеры, через сервоприводы, через нейропорт чужой головы. Я вёл этот самый броневик, будучи набором данных в бортовом компьютере, и знал в нём каждый узел лучше, чем знал собственное тело. Но я ни разу не держал руль рукой.

Кисть. Обод. Трение. Вес машины через рулевую рейку, через тягу, через гидроусилитель — прямо в предплечье.

Обратная связь. Настоящая, аналоговая, без единого преобразователя между железом и мясом.

«Wunderbar».

Я поймал себя на этом слове и погасил его.

Нерационально. Эмоциональный всплеск на фоне дефицита ресурса — это расход. Я выжал сцепление, воткнул передачу и тронулся.

Катя устроилась в пассажирском кресле, подтянула колени и отвернулась к двери. Через четыре минуты дыхание у неё выровнялось. Через шесть — она отключилась окончательно.

Я остался один.

Ночь была без луны. Туман никуда не делся, просто из серого стал чёрным. Фары упирались в него, как в стену, и отражённый свет бил обратно в глаза. Я переключился на противотуманки, потом вырубил и их — толку не было.

— Сторож. Дорога.

«Лидара нет. Работаю по радару и старым картам. Точность — плюс-минус два метра».

— Выводи на стекло.

Перед глазами легла зелёная сетка. Кривая, рваная, с провалами там, где радар не доставал. Но колея читалась.

Я поехал по сетке, держа двадцать пять.

Это была странная езда. Я видел дорогу дважды: глазами — чёрную муть, и через машину — зелёные линии. Мозг совмещал два потока и выдавал третий, собственный. Получалось лучше, чем по отдельности.

И это работало без погружения. Данные с радара шли по штатному каналу, через бортовой компьютер, через мой нейропорт, но я не лез в сеть. Не расширялся. Не открывал себя потоку.

Значит, дело не в подключении как таком.

Дело в объёме.

Я начал формулировать.

Гипотеза первая. Потери пропорциональны не времени погружения, а количеству данных, прошедших через кору. Вчера я держал шесть каналов корпоративного трафика. Плот-

ный, зашифрованный, требующий расшифровки на лету. Каждый байт дешифровки — это операция, каждая операция — это занятая ячейка.

Гипотеза вторая. Освобождение идёт не по алгоритму «удали старое», а по алгоритму «удали то, что не запрашивалось». Гараж я помню, потому что схема моста нужна мне постоянно. Человека из гаража не помню, потому что человек мне не нужен ни для чего.

Гипотеза третья, самая неприятная. Процесс не остановится сам. Он не имеет обратного хода. Биопринтер отрастил мне кору, но не отрастил механизм архивации. Всё, что уходит, уходит насовсем.

Проверять надо было эмпирически.

Я сбросил скорость до пятнадцати и начал искать цель.

Нашёл через километр. Дорожный знак — старый, советский, на бетонной опоре, с приваренной сбоку коробкой и крохотной солнечной панелью сверху. Такие ставили на федеральных трассах: подсветка знака от собственного питания, чтобы не тянуть кабель. Панель за тридцать лет заросла грязью, но что-то ещё давала.

Примитивный узел. Один контроллер, одна батарея, ноль сетевой активности. Идеальный подопытный.

Я остановил машину в десяти метрах.

— Сторож. Таймер на три секунды. По истечении — звуковой сигнал в череп, максимальная громкость.

«Принято».

Перед погружением я сделал то, чего не делал вчера.

Я составил список.

Не на бумаге. В голове, короткой строкой, которую легко проверить потом: набор контрольных точек из биографического слоя. Двенадцать пунктов. Имя отца. Цвет фасада поместья. Марка первого байка. Фамилия учителя фехтования. Кличка собаки. Название клуба, у которого меня взяли. Имя человека, который вёл со мной проект интерфейса. Ещё пять.

Двенадцать маркеров. Если после погружения пропадёт хоть один — я увижу дыру, потому что буду знать, что она там была.

Тот же принцип, что и у неё с тетрадью. Только внутри.

Я усмехнулся. Мысленно, без участия лицевых мышц.

— Пошёл.

Зелёная нить от панели к контроллеру. Тонкая, дёрганая, с провалами. Я вошёл, считал содержимое — там было полтора килобайта служебного мусора и счётчик наработки, — и вышел.

«Три секунды».

Проверка. Имя отца — Генрих. Цвет фасада — тёмно-серый, почти графит, с белыми откосами. Марка байка — «Ураган», спортивный, который отец не разрешал, а я всё равно взял. Фамилия учителя фехтования — Штольц. Кличка собаки — Рекс.

Все двенадцать на месте.

Никакой крови. Никакой боли. Пульс шестьдесят восемь.

Я поехал дальше.

Через восемь километров — брошенный дорожный пост. Маленькая будка, шлагбаум, сгнивший до арматуры, и рядом — опрокинутый набок уборочный дroid муниципальной службы. Такие ползали по обочинам, собирали мусор в бункер и ездили опорожняться на базу. Этот не доехал: в корпусе три сквозные дыры от крупного калибра, аккумулятор давно сдох, но резервная ячейка на плате памяти обычно живёт десятилетиями.

Уже интереснее. Здесь есть логи, есть маршруты, есть карта сектора.

— Таймер на десять.

Я вошёл.

Внутри было тесно и грязно. Убогая прошивка, написанная людьми, которым платили за строчки, а не за результат. Я выдернул карту маршрутов — двести двадцать километров обочин, которые эта жестянка вылизывала до самого конца, — и журнал последних суток.

Последняя запись: «Обнаружено препятствие. Ожидание». Сорок тысяч раз подряд. Он умер, ожидая, пока с дороги уберут то, что ему мешало.

«Десять секунд».

Выход.

Проверка. Генрих. Графит с белыми откосами. «Ураган». Штольц. Рекс.

На месте.

Пульс семьдесят четыре. Сухость во рту. Никакой крови.

Я записал: десять секунд на примитивном узле с одним потоком — безопасно.

Дальше нужно было поднимать нагрузку.

Возможность подвернулась через полчаса. Тракт вывел к развилке, и на бетонном острове посреди неё стояла вышка — не сигуровская, а корпоративная, новая. Штерновский ретранслятор дорожной связи. Живой, с полным питанием, с активным шифрованием.

Я остановился за двести метров, в тени обвалившейся эстакады.

Вот это была настоящая цель. Плотный поток, боевое шифрование, реальный риск.

Я сидел и смотрел на мигающий огонёк на её верхушке.

И не полез.

Не потому что испугался. Потому что посчитал.

Что я получу: сводки суточной давности по северным трактам, движение конвоев, возможно — расписание патрулей. Полезно. Экономит часов шесть дороги и снимает пару рисков.

Что я потеряю: неизвестно. Может быть, ничего. Может быть, шесть лет жизни.

Цена не определена, а сделка с неопределённой ценой — это не сделка, а азарт. Я не игрок.

Я объехал развилку по обочине, в трёхстах метрах от вышки, и поехал дальше.

Через сорок минут я всё-таки проверил список ещё раз. Просто так, на всякий случай.

Генрих. Графит с белыми откосами. «Ураган». Штольц.

Собака.

Я остановил машину.

Двигатель работал на холостых, мелко дрожа. Стрелка тахометра плавала возле восьмисот. Катя спала, привалившись виском к стойке.

Собака была. Я это знал. Большая, чёрная с рыжими подпалинами, немецкая овчарка, отцовская, но ходила за мной. Спала у меня в ногах, пока я не съехал из поместья. Я помнил вес её головы на своём колене. Помнил, как она стучала хвостом по паркету — три удара, пауза, три удара.

Клички не было.

Я проверил остальные одиннадцать пунктов. Все на месте.

Я поднял глаза на зелёную сетку перед собой и просидел так секунд сорок.

Три секунды на дорожном знаке. Десять секунд на дохлом дроиде. Тринадцать секунд суммарно, полтора килобайта мусора и двести двадцать километров чужих обочин.

Тринадцать секунд стоили мне собаки.

Значит, гипотеза первая неверна. Дело не только в объёме. Механизм срабатывает и на малых нагрузках, просто берёт кусок поменьше.

Значит, лимита не существует. Существует только счёт, который открыт и будет расти при любом раскладе.

Я поехал дальше.

Катя проснулась на рассвете.

Рассвет здесь был условным: туман из чёрного стал молочным, и всё. Она села, потёрла лицо ладонями, поморгала. Оптика правого глаза жужгнула, перефокусировавшись.

— Сколько прошли?

— Шестьдесят два километра. Мы у старой насосной, дальше развилка и подъём.

— Ты не спал.

— Нет.

Она посмотрела на приборы, потом на меня. Задержала взгляд.

— У тебя опять кровь была.

— Не было.

— У тебя воротник в крови, Леша.

— Это со вчера.

Она помолчала. Потом полезла в карман, достала тетрадь и карандаш и положила себе на колено.

— Ты лазил в сеть, пока я спала.

Утверждение, не вопрос.

— Дважды, — сказал я. — Три секунды и десять. Контролируемо.

— И?

— Испытание прошло штатно.

— И? — повторила она.

Я вёл машину и смотрел на зелёную сетку. Можно было соврать. Экономия времени, экономия нервов оператора, никакого ущерба для задачи.

Я не соврал. И до сих пор не могу внятно объяснить почему.

— У меня была собака, — сказал я. — Отцовская овчарка. Чёрная с рыжим. Я помню её вес, помню, как она стучала хвостом. Кличку не помню.

Карандаш скрипнул по бумаге.

— За тринадцать секунд?

— За тринадцать секунд.

Она дописала строку. Я скосил глаза: «Собака. Овчарка, чёрная с рыжим. Отцовская. Спала у него в ногах».

— Клички я не знаю, — сказала она. — Ты мне её не говорил.

— Уже не скажу.

Она захлопнула тетрадь и повернулась ко мне всем корпусом.

— Всё. Новые правила.

— Правила уже есть. Я их вчера озвучил.

— Твои правила — дерьмо. Твои правила — это ты сам себе разрешаешь и сам себя останавливаешь. Вчера ты сам себе разрешил четыре минуты. Сегодня ты сам себе разрешил тринадцать секунд, пока я дрыхла. Знаешь, как это называется?

— Скажи.

— Это называется — бухарик в подвале сам себе наливает.

Я промолчал.

— Я хочу право тебя выдёргивать, — сказала она. — Физически. Бить по щекам, вкалывать стимулятор, что угодно. Без спроса.

— Нет.

— Почему?

— Потому что резкий разрыв контакта на середине операции — это откат по всей нервной системе. Ты не видишь, в какой я фазе. Выдернешь не вовремя — получишь меня в судорогах с прикушенным языком, а в худшем случае — с необратимым. Ты не оператор. Ты не знаешь, что смотреть.

— Так научи!

— Этому учат три года.

— У нас нет трёх лет! — она ударила ладонью по торпеде. — У тебя вчера собаку сожрало! У тебя старик из головы вылетел за одну ночь! Через месяц ты меня не вспомнишь, и что я тогда буду делать? С кем я буду разговаривать? С железкой твоей?

Я сбросил скорость и остановил машину.

Развернулся к ней.

— Слушай сюда. Один раз.

Она замолчала.

— Я не собираюсь с этим жить, — сказал я. — Я собираюсь это чинить. Это не приговор, это неисправность. У неисправности есть механизм, у механизма есть причина, у причины есть решение. Двадцать лет назад я решал ровно эту задачу для операторов боевых каркасов и решил её. Значит, решу и сейчас.

— А если не решишь?

— Решу.

— А если нет, Леша?

Я смотрел на неё.

Бледное лицо, заострённые скулы, растрёпанный узел на затылке. Синяк на скуле, который сошёл ещё не до конца. Живой глаз — карий, злой, мокрый. И оптика справа, которую я сам ей ставил и которая сейчас смотрела на меня моим же кодом.

— Тогда твоя тетрадь станет единственным местом, где я существую, — сказал я. — И тебе придётся читать её мне вслух.

Она открыла рот и закрыла.

Потом села ровно, положила тетрадь на колени и сказала:

— Хорошо. Тогда так. Ты лезешь в сеть — с этого дня плата. За каждое погружение ты мне рассказываешь одно воспоминание. Любое. Я записываю. Ты хочешь пятнадцать секунд — пятнадцать секунд стоят одну историю. Не рассказал — не полез.

Я обдумал это четыре секунды.

Внешний архив, пополняемый принудительно. Дубликат биографического слоя на независимом носителе. Потери при этом не отменяются, но становятся восстанавливаемыми: если у меня есть текст, я могу перезалить его обратно — не как память, но как знание. Разница существенная, но не критическая.

Чистый выигрыш. Стоимость — время и небольшое количество слов.

— Принимается, — сказал я.

Она явно готовилась воевать дольше и на секунду растерялась.

— Вот так просто?

— Это рационально. У меня нет причин отказываться от того, что мне выгодно, только потому, что предложила ты.

— Тьфу на тебя, — сказала она. — Ладно. С тебя за вчера и за сегодня. Три погружения — три истории.

— Одну. Вчерашнее было до договора.

— Две.

— Одну.

— Ладно, гад, — она послюнила карандаш. — Давай.

Я тронул машину и поехал.

— Отец учил меня читать схемы, — сказал я.

— Так.

— Мне было шесть. Он положил передо мной чертёж блока питания и сказал: найди, где здесь ошибка. Я её не нашёл. Он сказал: ищи. Я сидел над этим листом одиннадцать часов. Я

плакал. Меня не выпускали из кабинета и не давали ужин. В два часа ночи я нашёл: у него на схеме был перепутан номинал резистора в делителе, единственная цифра из четырёхсот.

Карандаш скрипел.

— Он тогда что-нибудь сказал? — спросила Катя.

— Сказал: «Gut». И ушёл спать.

— И всё?

— И всё.

Она дописала и подняла голову.

— Слушай, а он был мразь, твой отец?

— Он был Глава Рода.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Она записала и это. Я видел краем глаза, как она добавила внизу строки свои три слова, и не стал зуммировать, чтобы прочесть. Пусть будет.

Разграбленный караван мы нашли на сто десятом километре.

Сначала запах. Потом Сторож выдал на стекло термометки — россыпь холодных пятен на обочине и на самом полотне.

Я остановился в ста метрах, не глуша двигатель.

Пять машин. Два старых грузовика, фургон, легковой вездеход и прицеп-водовозка. Стояли колонной, как шли, — не рассыпались, не пытались развернуться. Значит, накрыли быстро, за несколько секунд, и с головы.

— Мародёры? — спросила Катя, беря с торпеды автомат.

— Нет.

— Почему нет?

— Смотри на груз.

Прицеп был вспорот. Не открыт — вспорот, вдоль, чем-то очень острым и очень сильным. Вода вытекла и давно впиталась. Но мешки в кузове первого грузовика лежали нетронутыми. Крупа. Полтонны крупы, которую в этих краях меняют на патроны один к одному.

Никто её не взял.

— Мародёр забирает еду в первую очередь, — сказал я. — Тут не взяли ничего съедобного.

Мы вышли.

Воздух был сырой и стоял неподвижно. Под подошвами хрустело битое стекло.

Тела лежали там, где их застало. Восемь. Я прошёл вдоль колонны, останавливаясь у каждого.

Первый — водитель головного грузовика, вывалился из кабины наполовину. Характер повреждений: четыре сквозных, кучность в ладонь, дистанция большая. Автоматическая пушка малого калибра, стрельба короткими, с упреждением по движущейся цели.

Второй и третий — в кювете, лицом вниз. Бежали. Их достали в спину.

Четвёртый лежал на обочине лицом вверх, и с ним было не так.

У него не было головы. Точнее, головы не было выше линии ушей: срез ровный, оплавленный по краю, выполненный чем-то вроде плазменного резака или монолезвия. Никакой драки, никаких следов борьбы вокруг.

Я присел рядом. Осмотрел шею.

За правым ухом кожа была вскрыта аккуратным разрезом, и из разреза торчали обрывки проводников. Гнездо нейропорта отсутствовало. Вырезано.

Я проверил остальных.

У двоих было то же самое. У женщины в кузове фургона — вскрытая глазница и вытощенный корпус оптики; сам имплант забрали. У парня лет двадцати — ампутирована правая рука по локоть, аккуратно, по стыку с протезом.

Никто не тронул еду, воду, топливо, оружие и патроны.

Забрали только железо, вживлённое в людей.

— Что это, — очень тихо сказала Катя.

Она стояла у фургона и смотрела в глазницу женщины.

— Это не люди, — сказал я. — Людям нужна крупа. Этим нужны запчасти.

— Машины?

— Машины.

Я выпрямился и обвёл взглядом колонну. Прикинул сектора, откуда били. Их было минимум четыре, работали с трёх направлений одновременно, охват грамотный, но без изящества. Никакого опроса, никакого предупреждения, никакой попытки взять груз. Просто подошли, разобрали цели, забрали комплектующие и ушли.

Роботы не мародёрствуют. Роботы не собирают трофеи. Роботы делают то, что им приказали.

Кто-то приказал.

Или — хуже — приказ остался, а приказчик умер двадцать лет назад, и машины продолжают выполнять последнюю директиву, потому что отменить её некому.

Я знал, каково это. Я сам двадцать лет ждал в капсуле, потому что мне сказали ждать.

— Сторож, — сказал я вслух. — Активное сканирование. Полный спектр. Радиус три километра.

«Вы уверены? Активный режим демаскирует нас».

— Работай.

Пауза. Четыре секунды.

«Зафиксировано. Азимут триста сорок. Дистанция тысяча восемьсот. Групповая цель. Количество единиц — от девяти до четырнадцати, точнее не разрешаю. Сигнатуры соответствуют боевым платформам производства Корпорации Штерн, серии Шершень и Вектор».

— Статус?

«Движение. Скорость восемь километров в час. Вектор — на нас».

Катя вскинула голову.

Там, впереди, в молочной мути, что-то было.

Я взгляделся и не увидел ничего. Туман съедал контуры на двадцати метрах.

А потом в тумане, где-то очень далеко, коротко зажёгся и погас зелёный огонёк. Один. На уровне человеческого роста.

И следом, чуть правее, — ещё два.

Глава 3

— В машину, — сказал я.

Катя не переспросила. Она уже бежала.

Я дошёл до водительской двери спокойным шагом, потому что бежать было бессмысленно: они шли на восьми километрах в час, у нас было семь минут, и потратить их на панику означало потратить их зря.

Дверь хлопнула. Я сел, воткнул передачу и сдал назад, выводя броневик из колонны.

— Почему назад? — Катя вертела головой. — Дорога вперёд!

— Дорога вперёд ведёт в них.

— Так объедем!

— По чему? Слева кювет, справа насыпь. Мы в трубе, Катя. Здесь нет манёвра.

Я отвёл машину на двести метров назад, до места, где насыпь проседала и обочина расширялась площадкой — когда-то там был карман для разъезда. Развернул броневик поперёк, носом на восток, и заглушил двигатель.

Стало очень тихо.

— Ты чего делаешь? — прошипела она. — Ты нас на месте бросил! Заводи!

— Слушай.

Она замолчала.

Сначала не было ничего. Только капли с эстакадного обломка неподалёку и наше дыхание.

Потом пришёл звук.

Высокий, тонкий, на грани слышимости. Так свистит воздух в лопастях маленького винта. Не рёв, не гул — именно свист, и он множился: один, три, семь источников, наложенных друг на друга с небольшим расфазированием.

И под ним — другое. Глухие, редкие удары по бетону. Тяжёлые. С интервалом примерно в секунду.

— Что это, — очень тихо сказала Катя.

— Лёгкие идут по воздуху. Тяжёлые по земле.

Я вывел на стекло радарную картинку.

Одиннадцать меток. Построение рыхлое, без чёткого строя, но и не толпой: три впереди, разнесённые по фронту метров на сорок, остальные позади уступом. Передние двигались рывками — пролетели, зависли, пролетели.

Разведка идёт первой, ударная группа сзади. Классика.

— Сторож. Тип.

«Передние три: Шершень, лёгкий разведывательный беспилотник. Вооружение штатное отсутствует. Задние восемь: предположительно Вектор, штурмовой перехватчик наземного базирования. Вооружение: автопушка малого калибра, интегрированная в правую конечность».

«Вектор».

Я уже видел одного такого. Утопил его в химическом отстойнике Силуров, в километре от того места, где Катя стреляла в затылок наёмнику. Тогда я был кустарным пауком из водопроводных труб, и у меня хватило массы ровно на то, чтобы подставить ему ногу.

Сейчас у меня было двенадцать тонн брони.

И восемь «Векторов».

— Плохо? — спросила Катя.

— Плохо.

— Насколько?

— Один «Вектор» уничтожает пехотное отделение за двенадцать секунд. Их восемь. Наша броня держит их калибр в лоб и не держит в борт.

Она сглотнула.

— И что делаем?

— Работаем.

Я перевёл машину в боевой режим.

Бортовой компьютер откликнулся мгновенно: это был штатный канал, узкая служебная шина между нейропортом и машиной, тот же самый интерфейс, через который Корпорация сажала в эти броневики своих операторов. Никакого расширения, никакого погружения. Данных — сотни байт в секунду.

Ничего не стоит. Я проверил, задав себе контрольный вопрос: Штольц. Учитель фехтования. На месте.

Хорошо. Значит, техника — бесплатно. Платить приходится только за сеть.

На крыше провернулся дистанционный модуль. Корпоративный, закрытый, с коробом на двести патронов и тепловизионной головкой. Семь шестьдесят два. Против композита «Вектора» — мёртвому припарка, но по лёгким сойдёт.

— Катя. В десантный отсек, к левой бойнице. Автомат положи, возьми дробовик.

— Дробовик? Против этих?

— Против этих не поможет ничего из того, что у тебя есть. Дробовик нужен для другого. Если один прыгнет на корпус и начнёт вскрывать люк, ты стреляешь ему в оптику в упор. Картечь размажет линзу. Он ослепнет и слезет.

— А если не слезет?

— Тогда он тебя достанет, и мне понадобится новый водитель.

— Спасибо, Леша. Очень поддержал.

— Иди.

Она пошла.

Я остался один в кабине и сделал то, ради чего вообще остановил машину.

Я потянулся к ним.

Не в сеть. К ним — напрямую, как тянулся к турелям Лаборатории, к камерам, к вентиляциям. Коротко, точно, без расширения.

И увидел.

Впереди, в тумане, висели одиннадцать источников. Каждый — плотный узел кода, пульсирующий в такт собственному процессору. Между узлами шли нити: они разговаривали. Обменивались координатами, целеуказанием, подтверждениями. Рой.

Красиво сделано. По-настоящему красиво. Синхронизация с задержкой в единицы миллисекунд, распределение задач без центрального узла, отказоустойчивость: убей любого — остальные перестроятся за полсекунды.

Я знал этот протокол.

Я его писал.

Двадцать пять лет назад, в отделе прикладных систем «Шварц Индастриз», на восьмом этаже, с видом на реку. Мы называли его «Стая» и гордились им до неприличия.

Штерны даже название не меняли.

Я выбрал крайнего слева «Шершня» — самого лёгкого, самого дешёвого, самого тупого — и вошёл в него.

Внутри было просторно и пусто: примитивная прошивка, три сенсора, куца логика. Я прошёл сквозь неё, как сквозь открытую дверь, добрался до контроллера полёта и наложил руку на управление.

ЗАПРОС УПРАВЛЕНИЯ. ПРИОРИТЕТ: АБСОЛЮТНЫЙ.

И упёрся.

Не в стену. В подпись.

ТРЕБУЕТСЯ КЛЮЧ ВЛАДЕЛЬЦА. ПРЕДЪЯВИТЕ.

Я предъявил всё, что у меня было. Административный ключ Шварцев, шестьдесят четыре символа, которым я вскрывал Сторожа и Ковчег. Аварийную директиву. Мастер-сброс, который клал Сторожа на лопатки одним импульсом.

КЛЮЧ НЕ РАСПОЗНАН.

КЛЮЧ НЕ РАСПОЗНАН.

КЛЮЧ НЕ РАСПОЗНАН.

«Verdammt».

Я понял, что произошло, за полсекунды, и понимание было унижительным.

Они перешли к подписи. Взяли мою архитектуру целиком, вплоть до имён переменных, и заменили в фундаменте единственное — корневой ключ владельца. Теперь эти машины слушались рода Штерн. Мой код, моя логика, мой протокол, мои же закладки — и все они работали на чужую фамилию.

Я был для них никем. Посторонним процессом, который стучится в дверь без пропуска.

— Хозяин, — сказал Сторож вслух, из динамика. — Дистанция девятьсот. Разведка переходит в активный поиск.

Я вышел из «Шершня» и хлопнул дверью.

Нет ключа — нет разговора. Значит, будет по-старому.

— Катя. Готова?

— Нет! — донеслось из отсека.

— Правильный ответ. Держись.

Я не стал заводить двигатель.

Тепловая сигнатура остывающего дизеля — это фонарь в тумане. Мы стояли уже семь минут, металл отдавал тепло, и с каждой минутой мы становились менее заметными. Заводить машину сейчас означало заорать.

Пусть подойдут.

Первый «Шершень» вынырнул из молока на сорока метрах.

Плоская чёрная тарелка с четырьмя винтами в кольцевых обтекателях, снизу — сенсорная головка с зелёным огоньком. Он завис, качнулся, повёл головкой.

Я вёл его модулем, но не стрелял.

Второй появился левее. Третий не показался вообще — ушёл выше, в туман.

Первый качнулся ещё раз и двинулся прямо на нас.

Двадцать метров. Пятнадцать.

Он нас увидел.

Зелёный огонёк мигнул трижды — короткий импульс на частоте роя, целеуказание, — и в ту же секунду я нажал.

Модуль отработал короткой очередью. Пять патронов.

«Шершня» разнесло. Он не упал — он просто перестал быть единым предметом: винты в одну сторону, головка в другую, корпус вниз. Обломки ещё сыпались, когда я перевёл ствол на второго и высадил в него семь.

Второй свалился в кювет, дымя.

— Два, — сказал я.

И в ту же секунду туман впереди зажёгся.

Восемь вспышек, почти одновременно.

Я успел только вжаться в кресло.

Первая очередь прошла по лобовой броне. Двенадцать попаданий за полторы секунды. Звук внутри был не звоном и не грохотом — это был удар в грудную клетку, будто по корпусу

били кувалдой в темпе отбойного молотка, а корпус был моими рёбрами. Бронестекло пошло белой паутиной. Правый дворник срезало вместе с креплением.

Катя закричала в отсеке. Не от боли — от того, что это оказалось громче всего, что она слышала в жизни.

— Держись! — заорал я.

Стартер.

Дизель схватил с первого оборота, и я бросил машину вперёд, прямо на них, потому что стоять означало умереть.

Броня держала. Пока держала. «Вектор» несёт двадцатимиллиметровую пушку, а лоб корпоративного броневика рассчитан ровно на неё — держать в упор десять секунд, чтобы дать оператору время принять решение.

Я принял.

Я направил машину туда, где по радару стояли двое ближайших, и вдавил педаль.

Двенадцать тонн. Пятьдесят километров в час к моменту контакта.

Первого я не увидел — я его почувствовал. Удар в правое крыло, скрежет, машину бросило влево, и через долю секунды по крыше что-то прокатилось и улетело назад.

Второй успел прыгнуть.

Я видел это боковой камерой: длинная угловатая фигура на обратных суставах взмыла с бетона метров на шесть и ушла с моей линии, пропустив броневик под собой.

И приземлилась нам на корму.

Машину качнуло. Триста килограммов на задней оси — подвеска отработала жёстко, зад просел.

— Он на нас! — заорала Катя. — Леша, он на крыше!

— Левая бойница! Он пойдёт по левому борту!

Я крутанул руль вправо, пытаясь стряхнуть его инерцией.

Не вышло. Он держался. Я услышал, как по крыше скребут манипуляторы — раз, второй, — и потом раздался визг.

Пила.

Он вскрывал десантный люк.

— Дробовик!

— Я вижу, вижу его!

Грохнуло. Один раз, второй.

— Не берёт! — она почти рыдала. — Броня!

— В оптику! Не в корпус!

— Он не показывает оптику!

Я перевёл модуль назад, но развернуть его на собственную крышу было физически невозможно — упор конструкции, мёртвая зона.

Визг пилы стал ниже. Он вошёл в металл.

Плохо.

Я бросил взгляд на радар. Оставшиеся шесть шли за нами, отставая — на пересечённой они были быстрее, но на бетонке двенадцать тонн разгонялись лучше. Дистанция росла. Метров сто двадцать.

Значит, есть три-четыре секунды на одну попытку.

Впереди в тумане проступила тень. Насосная. Та самая полуразрушенная насосная у развилки, которую я видел на карте час назад.

Бетонная коробка. Дверной проём. Высота проёма — я прикинул по памяти чертежа — два восемьдесят.

Высота броневика по крыше — два сорок.

Разница — сорок сантиметров.

«Вектор» на крыше стоял в полный рост.

— Катя! Ляг на пол! Голову вниз!

— Что?!

— ЛЯГ!

Я взял левее и погнал прямо на проём.

Он понял за полсекунды до. Я почувствовал, как он рванулся — сервоприводы взвыли, он попытался прыгнуть вбок.

Не успел.

Удар был такой, что меня швырнуло на ремни и в глазах полыхнуло белым. Верхняя перемычка проёма — армированный бетон, полметра толщиной — прошла над крышей и снесла его вчистую.

Не сбила. Именно снесла: разложила пополам по линии контакта.

Верхняя часть улетела внутрь насосной, нижняя осталась на крыше и через секунду сползла на корму, цепляясь за скобы.

Броневи́к влетел в здание, пробил гнилые внутренние перегородки, снёс что-то железное и вылетел с другой стороны, разбрасывая куски шифера.

Я вывернул руль и вернулся на колею.

— Катя!

— Живая! — Голос был сорванный. — Живая, живая!

— Люк цел?

— Дыра! В потолке дыра, я небо вижу!

— Небо — не пуля. Сиди.

Я гнал по колее семьдесят, что для этой дороги было чистым самоубийством. Радар показывал шесть меток позади. Они отставали: сто восемьдесят, двести десять, двести шестьдесят.

На трёхстах они остановились.

Я сбросил до сорока и смотрел на радар.

Метки стояли. Не преследовали. Собрались плотной группой в точке, где я развалил первого, и замерли.

— Сторож. Что они делают?

Пауза.

«Фиксирую обмен на частоте роя. Плотность обмена высокая. Характер трафика соответствует протоколу сбора и распределения ресурса».

— Переведи.

«Они разбирают своего».

Я остановил машину.

Мы стояли на колее, двигатель молотил на холостых, и я смотрел в туман позади нас, где одиннадцать машин, из которых осталось шесть, снимали комплектующие со своего разбитого собрата.

Так же, как они снимали нейропорты с водителей каравана.

— Они не охотятся, — сказал я вслух.

— В смысле не охотятся?! — Катя вывалилась из отсека в кабину, серая, с ободранной щекой. — Они нас чуть не сожрали!

— Они защищались. Мы вошли в зону, где они собирали ресурс. Это не охота. Это обслуживание.

— Какое, к чёрту, обслуживание?

— Ремонтное. — Я вывел на стекло схему. — Смотри. Караван они не грабили. Они сняли с людей импланты и ушли. С нами они не пошли на добивание: как только дистанция выросла, они прекратили преследование и вернулись к работе. Это не поведение хищника. Это поведение подразделения, которое выполняет задачу и не отвлекается.

— Какую задачу?

— Поддержание собственной боеготовности.

Я откинулся на спинку.

Двадцать лет без снабжения. Без базы, без склада запчастей, без единого живого техника.

Рой, которому когда-то поставили задачу и который с тех пор занят одним: оставаться исправным. У них кончились родные комплектующие, и они начали брать то, что подходит по интерфейсу.

А подходит по интерфейсу то, что вживлено в людей. Потому что все нейропорты этого мира сделаны по одному стандарту.

По моему стандарту.

Я закрыл глаза.

«Этот глаз не был чужеродным. Он вернулся домой».

Я думал так, когда ставил Кате «Око». Я гордился этим.

— Леша. — Катя тронула меня за плечо. — Ты чего?

— Ничего.

— У тебя лицо...

— Ничего, — повторил я. — Оценка ущерба.

Она поняла, что разговор окончен, и полезла смотреть.

Ущерб был неприятный.

Внешний топливный бак — сорвало вместе с креплениями при таране первого. Минус сто двадцать литров, треть запаса. Правое крыло смято до колеса, но колесо цело. Дворник справа отсутствует. Бронестекло держится, но смотреть через него можно только левой половиной. В крыше десантного отсека — разрез сантиметров тридцать, рваный, с завернутыми внутрь краями. Дождь пойдёт — будет литься.

Модуль на крыше цел. Патронов сто восемьдесят.

— Жить будем? — спросила Катя.

— До «Заслона» дотянем. Обратно — нет.

— Обратно с полными баками поедem.

— Оптимизм — это хорошо.

Я тронул машину.

Километров пять я вёл молча и думал.

Не о рое. Рой был решаемой задачей: шесть единиц, известная логика, известные слабости. Если понадобится, я их выбью.

Я думал о ключе.

Одиннадцать машин. Одиннадцать боевых платформ, каждая стоит дороже всего, что у меня есть, и каждая построена на моём коде. Я смотрел на них изнутри, я читал их как открытую книгу, я знал, где у них слепые зоны и где перегревается привод.

И я не мог отдать им ни одного приказа.

Потому что в корне их архитектуры стояла чужая подпись.

Вот что такое «Кукловод» на самом деле. Не мощь. Не гениальный алгоритм. Не Master-OS.

Ключ.

Отец тридцать лет строил мир, каждая железка которого совместима со мной. Штерны тридцать лет производили тела, ожидающие разум. А в последний момент кто-то переписал одну строчку в фундаменте, и вся эта армия стала слушаться фамилии Штерн.

Мне не нужна мощь. Мне нужно вернуть подпись.

— Сторож.

«Слушаю».

— Сохрани дампы протокола роя. Всё, что успел перехватить на частоте. Приоритет — служебные заголовки авторизации.

«Сохранено. Четыреста двадцать килобайт».

— Не трогай. Не анализируй. Просто держи.

Анализировать это надо было в сети. С расширением. С полным погружением и дешифровкой на лету.

С платой.

Я посмотрел на Катю. Она сидела боком, прижав к ободранной щеке смоченную водой тряпку, и смотрела в разбитое стекло.

— Катя.

— М-м?

— Мне понадобится погружение. Длинное.

Она медленно повернула голову.

— Насколько длинное?

— Не знаю. Минуты.

Она долго молчала.

Потом достала из кармана тетрадь и карандаш и положила себе на колено.

— Тогда с тебя много историй, — сказала она. — Начинай прямо сейчас. Не стой.

Глава 4

Мы прошли ещё двенадцать километров и встали на ночёвку в бетонной трубе водопропуска.

Труба была два с половиной метра в диаметре, сухая, с тонким слоем ила по дну. Броневик влез в неё до половины — корма осталась снаружи, но корма у нас и так была разворочена. Главное, что лоб и борта прикрывал бетон, а сверху лежала насыпь.

От дрона сверху нас не видно. От радара — тоже.

Катя развела примус на бортовом спирте и грела воду. Пар уходил вверх и тут же исчезал в темноте. Она сидела, подтянув колени, и держала кружку двумя руками.

Я разложил на коленях планшет с дампом.

Четыреста двадцать килобайт перехваченного трафика роя. Заголовки, служебные пакеты, обмены целеуказанием. Сырьё.

Проблема заключалась в том, что читать его я не мог.

Не в смысле «не умею». В смысле — не мог физически. На экране это был массив шестнадцатеричного мусора, и чтобы превратить его в структуру, нужно было прогнать его через себя. Расширить восприятие. Войти в данные так, как я входил в облако кода вокруг камеры, когда учился в Лаборатории.

То есть заплатить.

— Лезешь? — спросила Катя, не поднимая головы.

— Пока думаю.

— Ты уже полчаса думаешь.

— Я считаю цену.

Она подула на кружку.

— Ну так плати сначала. Уговор был.

Я отложил планшет.

Уговор был. И, если честно, мне даже было удобнее начать с этого: пока говоришь, мозг занят делом и не считает.

— Что тебе рассказать?

— А мне всё равно, — она пожала плечами. — Что вспомнишь.

— Так не работает. Я не «вспоминаю». У меня либо есть данные, либо их нет. Если ты скажешь «расскажи про мать» — я выдам тебе три предложения и упрусь в стену. Если ты дашь конкретную зацепку — я разверну её на полчаса.

— Какую зацепку?

— Место. Предмет. Запах. Фразу. Что-то, за что можно потянуть.

Она задумалась.

— Ладно. Эти железки, которые нас чуть не сожрали. Ты сказал, что сам их писал.

— Протокол. Не машины. Протокол обмена внутри роя.

— Вот про это и рассказывай. Где писал, с кем, как.

Я откинул голову на холодный бетон и закрыл глаза.

И потянул.

Восьмой этаж. Здание на набережной, стекло и бетон, отцовская архитектура: снаружи — храм, внутри — завод. Отдел прикладных систем занимал весь этаж, и в нём было всегда холодно, потому что серверная стояла в торце и кондиционер гнал воздух через весь коридор.

Мне двадцать шесть. Я начальник направления. Направление состоит из девяти человек, из которых семеро старше меня, и двое из них считают это несправедливым.

— Погоди, — Катя достала тетрадь. — Медленнее.

Я замедлился.

Мы делали «Стаю» одиннадцать месяцев. Задача была поставлена формально как «повышение живучести групп беспилотных единиц», а по факту это был ответ на тендер Минобороны, который мы обязаны были выиграть, потому что если бы мы его не выиграли, его выиграли бы Штерны.

Главная проблема роя — центр. Любая групповая система строится вокруг командного узла, а командный узел — это цель. Убей ведущего, и восемь оставшихся превращаются в восемь отдельных дураков.

Мы убрали центр совсем.

Идея была не моя. Идея была Марка.

Я открыл глаза.

— Марк, — сказал я вслух.

— Кто такой?

— Ведущий инженер. Мой... — я поискал слово, и слова не нашлось. — Он сидел через стол от меня четыре года.

Я закрыл глаза снова, и оно пошло само.

Марк Соболев. Тридцать четыре года, лысеющий, рыхлый, с вечной кружкой, на которой было написано что-то идиотское. Ходил в одном и том же свитере. Не выносил совещаний, засыпал на них демонстративно и просыпался ровно в ту секунду, когда кто-то говорил глупость, чтобы эту глупость немедленно озвучить вслух.

Пил кофе литрами. Реально литрами, у него была двухлитровая колба, он заваривал с утра и к вечеру она была пуста.

COFFEE_IS_LIFE`.

Я открыл глаза.

— Что? — Катя подняла голову.

— Пароль, — сказал я. — Отладочный шлюз в «Бастione-6». Пользователь MARK_S, пароль COFFEE_IS_LIFE. Он оставил его перед релизом, чтобы не возиться с ключами в поле, и забыл убрать. Я вскрыл этим броневи́к у мотеля двадцать лет спустя.

Я вспомнил это.

Не «знал» — знал я это и раньше, это лежало в техническом слое, вместе с синтаксисом и схемами. Я вспомнил, как он это делал. Ночь, пустой этаж, он сидит в своём свитере, перед ним колба, и он говорит: «Лёх, я себе дверку оставляю, ладно? А то ваши безопасники меня в поле с ключами уморят». И я сказал: убери перед релизом. И он сказал: убери.

Не убрал.

Я сидел в бетонной трубе, и у меня болело в груди.

Не физически. Сердце работало ровно, шестьдесят четыре, я проверил. Болело как-то иначе, и я не понимал, в какой системе это фиксировать.

— Ты чего? — тихо спросила Катя.

— Я его вспомнил.

— Кого?

— Марка. Я его видел сейчас. Свитер, колба, лицо. Я помню, как он шурился, когда читал код с монитора, — у него была дальнoзоркость, и он отодвигался от экрана, вместо того чтобы надеть очки.

— Ну и? Это же хорошо.

— Это не должно было получиться, — сказал я.

Она не поняла.

Я развернулся к ней и заговорил быстро, потому что мысль надо было поймать сейчас, пока она была тёплой.

— Час назад я не мог достать ничего. Совсем. Я знал, что писал «Стаю», как знаю таблицу умножения: факт без обстоятельств. Ни лиц, ни имён, ни помещений. Я думал, что этого слоя

у меня больше нет. А сейчас ты дала мне зацепку — «где писал, с кем» — и я развернул одиннадцать месяцев жизни за четыре минуты.

— И что это значит?

— Это значит, что оно не стёрто. Оно не проиндексировано.

Я встал.

В трубе было низко, и пришлось пригнуться, но сидеть я больше не мог.

— Слушай, как работает память. Есть данные и есть ссылки на них. Когда ты забываешь имя, данные никуда не деваются — рвётся ссылка. Ты знаешь человека, ты помнишь его в лицо, но не можешь вытащить имя, потому что путь к нему оборван. А потом кто-то говорит первую букву, и всё встаёт на место.

— Ну.

— Так вот, я всё это время исходил из того, что при погружении система стирает данные. Освобождает физический объём. Но если бы она стирала — Марк не вернулся бы. Ни от какой зацепки. Его бы просто не было.

— А он вернулся.

— Он вернулся, — сказал я. — Значит, система не стирает. Система рвёт ссылки.

Катя медленно опустила кружку.

— То есть у тебя там всё цело?

— Не знаю. Возможно, частично. Возможно, ссылки рвутся с разной глубиной: где-то восстановимо по внешней зацепке, где-то нет. Но сам факт, что хоть что-то поднимается, меняет диагноз. Это не некроз. Это разрушение индекса.

— А это лечится?

Я посмотрел на неё.

— Это, — сказал я, — как минимум чинится костылями. Внешний индекс. Список зацепок, привязанный к содержимому. Ты даёшь мне ключевое слово — я поднимаю блок. Тебе не надо помнить за меня всю мою жизнь. Тебе надо помнить оглавление.

Она несколько секунд смотрела на тетрадь у себя на коленях.

Потом перевернула её обратной стороной, открыла последнюю страницу и написала сверху, крупно, печатными буквами:

ЗАЦЕПКИ

И ниже, первой строкой:

Стая. Восьмой этаж. Марк.

— Так? — спросила она.

— Так, — сказал я.

Она подняла голову, и я увидел, что у неё блестят глаза.

— Значит, я не зря её завела.

— Ты завела её из упрямства.

— Я завела её потому, что мне страшно, — сказала она. — Не порти.

Я не стал портить.

Погружение я сделал в третьем часу ночи.

Катя спала в кабине, свернувшись на сиденье. Я сидел на пороге десантного отсека, свесив ноги на ил, и держал планшет на коленях.

— Сторож. Таймер на двести секунд.

«Двести — это много».

— Я знаю, сколько это. Таймер.

«Принято».

— И ещё. Пиши всё, что я буду говорить вслух. Всё подряд, даже бессвязное.

«Принято».

Я вошёл в дамп.

Это было не похоже на сеть. В сети есть движение, направление, живые потоки. Дамп был мёртвым — застывший слепок четырёх минут чужого разговора, вырванный из контекста.

Я развернул его.

Сначала это был шум: четыреста двадцать килобайт серой каши, висящей в пустоте. Я сфокусировался, и каша начала расслаиваться.

Верхний слой — телеметрия. Координаты, скорости, заряд, температура приводов. Мусор, но по нему видна была структура обмена: каждая единица выплёвывала свой статус двадцать раз в секунду, и остальные его принимали. Нет главного. Все говорят со всеми.

Мой протокол. Я узнал его по ритму, как узнают походку.

Второй слой — целеуказание. Здесь было интереснее: они голосовали. Когда «Шершень» увидел броневику, он не отдал приказ — он внёс предложение, и остальные десять за полторы миллисекунды проголосовали. Решение о нашем уничтожении принималось демократически.

Забавно.

Третий слой я искал дольше всего. Служебный. Тот, который идёт перед каждым пакетом и в котором лежит подпись.

Нашёл.

И остановился.

Я ожидал увидеть замену. Ожидал, что там, где стоял корень «Шварц», теперь стоит корень «Штерн», и мой ключ выброшен на помойку вместе со всеми потрохами.

Там было не так.

Подпись была двухслойной.

Внизу, в самом фундаменте, лежал оригинальный корневой сертификат. Мой. Шестьдесят четыре символа, сгенерированные в две тысячи двадцать шестом году, с меткой издателя, которую я помнил наизусть, потому что сам её и придумывал.

Он был на месте. Никуда не делся. Ни одна железка в этом роде не смогла бы работать без него, потому что на нём была завязана вся нижележащая криптография.

А поверх него лежал второй слой. Более поздний, толстый, грубо сшитый: сертификат Корпорации, который перехватывал все запросы авторизации и отвечал на них сам, не пропуская вниз.

Это была не замена.

Это была надстройка. Крышка.

Они не смогли вырвать мой корень — вырвать его означало убить всю архитектуру. Они положили сверху свой слой и замкнули на него все входящие запросы.

Как если бы поверх фундамента дома залили вторую плиту и стали считать, что дом теперь их.

Я потянулся к нижнему слою, чтобы посмотреть, откликнется ли он.

ЗАПРОС ПЕРЕХВАЧЕН УРОВНЕМ 2.

КЛЮЧ НЕ РАСПОЗНАН.

Крышка не пускала.

Я походил вокруг неё. Попробовал сбоку, попробовал через диагностический подканал, попробовал через обработчик ошибок. Везде одно и то же: любой запрос вниз перехватывался и гасился наверху.

Изнутри её было не поднять. Но она существовала физически. Она лежала в памяти каждой машины, занимала место, требовала обработки. И у неё был свой протокол обновления — потому что сертификаты имеют срок, и кто-то должен был их продлевать.

Значит, есть канал, по которому крышку кладут. Значит, есть точка, где её можно снять.

Не в поле. Не на дороге. На заводе, где эти машины собирают. Или на терминале, с которого их прошивают.

Я запомнил структуру целиком, до последнего байта заголовка, и пошёл на выход.

И тут меня накрыло.
Не боль. Хуже.

Ощущение падения при полной неподвижности: будто из-под сознания выдернули опору, и оно ухнуло вниз, в собственный подвал. Я увидел мелькание — куски без связи, лица без имён, коридор, чья-то рука, вспышка сварки, — и всё это пронеслось мимо и провалилось дальше.

«Двести секунд».

Сигнал ударил в череп. Я вынырнул.

Планшет лежал у меня на коленях. Ноги свесились в ил, и ил был тёплым от моей крови: капало давно и много.

Я вытер лицо рукавом.

— Сторож. Что я говорил?

«Запись есть. Воспроизвожу».

Из динамика пошёл мой собственный голос. Тихий, монотонный, без интонаций:

«Двухслойная. Не замена. Крышка... сертификат издателя, две тысячи двадцать шестой... снимается только с прошивочного терминала... надо на завод... Марк говорил, что так и будет, Марк говорил, что рано или поздно...»

Пауза.

«...кто такой Марк?»

Запись кончилась.

Я сидел в трубе и смотрел на чёрную воду под ногами.

Потом достал из кармана куртки сложенный вчетверо лист — я вырвал его вечером из Катиной тетради, пока она грела воду, и переписал туда её записи своей рукой. Просто для дубля, из инженерной привычки не держать критические данные в одном экземпляре.

Развернул.

Стая. Восьмой этаж. Марк.

Марк.

Я произнёс это вслух, дважды.

Ничего.

Ни свитера, ни колбы, ни дальнозоркости. Ни человека, который сидел через стол от меня четыре года. Осталась строчка в чужом почерке и моя собственная приписка на полях — я не помнил, когда её сделал: «Соболь М., вед. инж., отдел прикл. систем».

Данные о нём у меня были. Табельные.

Человека не было.

Четыре часа назад я поднял его из ничего, полный, живой, со свитером и кофе. Я держал его в руках.

И потратил на крышку.

Я аккуратно сложил лист и убрал обратно в карман.

Потом взял планшет и записал в рабочий журнал, в раздел «Затраты»:

Операция: анализ протокола авторизации роя.

Длительность: 200 с.

Результат: структура подписи установлена. Корень цел. Требуется прошивочный терминал.

Стоимость: 1 ед. (Соболь М.).

Я перечитал последнюю строчку.

Потом стёр «1 ед.» и написал «Марк».

Потом подумал ещё и приписал: «восстановлению не подлежит; защепка не сработала».

Утром я разбудил Катю.

Она села, растирая лицо, увидела моё и замерла.

— Опять?

— Да.

— Кого?

— Того, о ком я рассказывал вечером.

Она открыла тетрадь на нужной странице и молча повернула ко мне. Три четверти страницы её кривым почерком: свитер, колба, дальноточность, «Лёх, я себе дверку оставляю», пароль.

— Читай, — сказала она.

Я прочитал.

Это было как читать досье на постороннего. Информация усваивалась, укладывалась, становилась знанием. Я мог теперь сказать про него что угодно.

Ничего не поднялось.

— Не работает, — сказал я.

— Как это не работает? Тут же всё есть!

— Есть текст. Ссылки нет. — Я вернул ей тетрадь. — Знание не равно памяти, Катя. Я могу выучить наизусть, что у него была колба. Я не смогу его вспомнить.

Она сидела, глядя на свои записи.

— Тогда зачем это всё? — очень тихо.

— Затем, что текст можно передать. — Я закрыл тетрадь и придвинул к ней. — Если однажды я забуду тебя — ты прочитаешь мне вслух, и я буду знать, кто ты. Я буду знать, что ты вытащила меня из капсулы. Что ты меня тащила на себе. Что ты со мной с самого начала.

— И что, тебе от этого будет легче?

— Мне — нет.

Она вскинула голову.

— А кому?

— Тебе, — сказал я.

Она отвернулась и долго смотрела в стену трубы.

Потом вытерла лицо рукавом, убрала тетрадь в карман и полезла в кабину.

— Заводи, — сказала она оттуда. — Поехали уже.

Одиночного «Шершня» мы нашли в тот же день, ближе к полудню.

Он сидел на опоре ЛЭП в трёхстах метрах от тракта. Не летел, не патрулировал — просто сидел, сложив винты, как птица.

— Сторож. Активность?

«Минимальная. Спящий режим. Заряд восемь процентов. Обмена с роем не фиксирую».

— Батарея села, — сказал я.

— И что?

— И то, что это подарок.

Я свернул с колеи и подогнал броневик под опору.

Взять его волей я не мог — крышка. Но крышка сидела в программном слое, а у любого изделия есть ещё и физический: сервисный разъём, который ставят на заводе для наладчика и который живёт отдельно от боевой авторизации, потому что наладчик приходит до того, как машину выдают в войска.

Я знал, где он. Я сам его туда ставил.

— Катя. Лезь на опору.

— Ты охренел?

— Восемь метров, скобы целые. Я с ним не полезу — у меня руки не тянут вес.

— А если он проснётся?

— На восьми процентах он не проснётся. Даже если проснётся — он безоружный. Максимум, что он сделает, — попытается улететь и упадёт.

Она посмотрела на опору. Потом плюнула, сунула за пояс монтировку и полезла.

Через четыре минуты она столкнула его вниз. Он рухнул на глину плашмя, подняв брызги.

Дальше было три часа работы.

Я вскрыл ему брюхо, нашёл сервисный порт, воткнул кабель и залез внутрь — физически, по проводу, а не по воздуху. Через кабель крышка работала иначе: она проверяла подпись на входящих командах из сети, но сервисный канал считала доверенным по определению, потому что по нему приходит наладчик с завода, а наладчик — свой.

Гениальная дыра. Я сам её и оставил, двадцать пять лет назад, потому что иначе ремонтники взвыли бы.

Я снёс ему боевую прошивку под ноль, залил свою, прописал единственного владельца и поставил корневой сертификат — тот самый, нижний, мой, который всё это время лежал у них в фундаменте.

Ключ подошёл.

Конечно, он подошёл. Это был мой дом.

В пятом часу вечера я отсоединил кабель, отошёл на три шага и подумал: «Встать».

Винты крутнулись.

«Шершень» оторвался от глины, качнулся, выровнялся и завис на высоте моего лица. Зелёный огонёк сенсорной головки повернулся ко мне.

Я не почувствовал ничего похожего на эйфорию. Слишком дорого он мне обошёлся, и слишком мало он мог.

Восемь процентов заряда. Никакого оружия. Две камеры и микрофон.

Один глаз.

— Ну? — Катя стояла в стороне, скрестив руки. — Первый?

— Первый.

— И сколько таких надо, чтобы из этого вышло то, о чём ты говорил?

Я посмотрел на висящую передо мной чёрную тарелку.

— Тысячи, — сказал я.

Она помолчала.

— А тетрадь у меня одна, — сказала она и пошла к машине.

Глава 5

Утром «Шершень» показал, за что я отдал Марка.

Мы вышли на тракт в начале седьмого. Туман никуда не делся — он тут вообще, кажется, не дедался никогда, — и видимость была прежняя: двадцать метров впереди, дальше молоко.

Я поднял дрона на сто пятьдесят метров.

Там, наверху, тумана не было.

Картинка легла на лобовое стекло поверх серой мути, и я увидел дорогу.

Не двадцать метров. Три с половиной километра.

Колея, петляющая между отвалами. Развилка у сгоревшей заправки. Осыпь на седьмом километре, которая срезала полосу и которую мы прошли бы в лоб, если бы шли вслепую. Брошенный тягач поперёк дороги в одиннадцати километрах — объезд по левой обочине, там твёрдо.

Я вёл машину и видел её сверху.

— Ты чего лыбишься? — спросила Катя.

— Я не лыблюсь.

— Ты лыбишься. Первый раз за три дня.

Я согнал с лица то, что там было, и сосредоточился.

Но она была права, и это стоило зафиксировать отдельно.

Дело было не в удобстве. Дело было в цене.

Управление «Шершнем» шло по прямому каналу, через мой нейропорт и его приёмник, на подписи, которую я прописал сам. Никакой дешифровки. Никакого вскрытия. Никакого расширения восприятия, чтобы прогрызть чужой протокол.

Это стоило мне ноль.

Я проверил. Проверил трижды за первый час, гоняя дрона вперёд и назад, поднимая и опуская, переключая спектры. Контрольный список держался: Генрих, графит с белыми откосами, «Ураган», Штольц.

Ноль.

Своя машина — бесплатно. Чужая — за память.

Я ехал и разворачивал эту мысль, и она мне очень не нравилась, потому что вывод из неё получался слишком приятный.

Если каждая машина, которую я прописал на себя, работает даром, — значит, чем больше их у меня, тем реже мне нужно лезть в чужие сети. Тем меньше я плачу. Разведка своим дроном вместо взлома чужой вышки. Свой ретранслятор вместо чужого. Свой контур связи вместо чужого эфира.

То есть путь к «Кукловоду» и путь к излечению — это одна дорога.

Чем больше я становлюсь Кукловодом, тем меньше я себя теряю.

Слишком удобно. Когда вывод получается таким удобным, надо садиться и искать, где ты подтасовал.

Я искал минут сорок и не нашёл.

Тяга лопнула на двадцать втором километре.

Никакого предупреждения. Броневик шёл по колее, я аккуратно вёл его по левому борту осыпи, и на очередной кочке руль просто провалился.

Он ушёл влево на пол-оборота и потерял связь с миром. Вообще. Крутится и ничего не делает.

Машина пошла прямо.

Прямо — это в отвал. Двенадцать тонн на сорока километрах в час в трёхметровую кучу спёкшегося шлака.

Я вдавил тормоз обеими ногами и одновременно дёрнул ручник — не чтобы затормозить, а чтобы сорвать зад и развернуть корпус.

Броневи́к сел на все четыре, поволо́к юзом, пошёл боком и встал, ткнувшись правым крылом в шлак.

Тишина.

— Твою мать, — очень спокойно сказала Катя.

Я заглушил двигатель и полез наружу.

Диагноз был готов через две минуты.

Рулевой наконечник правой тяги. Сорвало палец. Резьба была срезана начисто, и по характеру среза читалась вся его биография: наконечник был не родной, стоял тут годы, ходил с люфтом, и кто-то в своё время не поменял его, а подтянул и забыл.

Штерновские механики. Корпоративное обслуживание.

— Плохо? — Катя присела рядом на корточки.

— Мы не едем.

— Совсем?

— Совсем. Правое колесо сейчас живёт своей жизнью. Можно ползти на пятнадцати, но первая же яма развернёт нас поперёк, и мы ляжем на бок.

— И что делать?

Я посмотрел на неё снизу вверх, из-под днища.

И понял, что у меня нет рук.

Не в переносном. В прямом: чтобы вытащить остатки пальца из конуса, надо было бить съёмником, а чтобы бить съёмником, нужны предплечья, которых у меня не было. Я вчера три часа ковырялся в «Шершне» отвёрткой и к концу не чувствовал пальцев.

— Делать будешь ты, — сказал я.

Она молча посмотрела на свои ладони. Потом на меня.

— Ну ты и гад.

— Я буду говорить, что делать. Пошагово.

— Я в курсе, как ты умеешь говорить, что делать.

Она полезла в кузов за инструментом.

Это заняло пять часов.

Пять часов под броневи́ком, на подстеленном брезенте, в жидкой глине, под моросью, которая началась к полудню и уже не прекращалась.

Я сидел рядом на корточках, светил фонарём и диктовал.

— Съёмник надень на палец шляпкой вниз. Нет. Вниз. Шляпка — это широкая часть, Катя.

— Я вижу, что широкая!

— Тогда почему ты держишь его наоборот?

— Потому что он, сука, скользкий!

Она обтёрла руки о штанину и надела правильно.

— Теперь бей. Не по съёмнику — по торцу. Коротко, резко, без замаха. Не надо силы, надо частоту.

Звон. Звон. Звон.

— Не идёт.

— Пойдёт. Он сидит на грязи, а не на резьбе. Грей.

— Чем?!

— Горелкой из ЗИПа. Три минуты по конусу, потом сразу бей.

Она грела. Потом била.

На седьмом ударе палец вылетел.

— Есть! — заорала она из-под машины.

— Тише. Голос уходит далеко.

— Сам молчи, — донеслось снизу. — Что дальше?

Дальше была проблема посерьёзнее.

Запасного наконечника у нас не было. В ЗИПе корпоративного броневика лежало всё, кроме того, что реально ломается: там были два комплекта фильтров, аптечка, огнетушитель, набор для заделки пробоин и ни одной ходовой детали.

— Потому что ходовую меняют на базе, — объяснил я. — Машина не рассчитана на автономный ремонт. Она рассчитана на то, что через два часа приедет техничка.

— Гениально.

— Логично. Для них.

Я послал «Шершня» назад по маршруту.

Через двенадцать минут он нашёл то, что нужно: в двух километрах позади, в кювете, лежал остов внедорожника. Старый, гражданский, сгоревший лет десять назад, обглоданный мародёрами до рамы.

— Что нам с горелой тачки? — Катя вылезла из-под броневика, чёрная от глины.

— Ничего от неё не подойдёт. Диаметры другие.

— Тогда зачем?

— Затем, что нам не нужна деталь. Нам нужен материал.

Мы дошли туда пешком. Сорок минут в одну сторону, и я честно рассчитывал, что на середине обратной дороги начнётся откат, — не начался, хотя к концу я шёл на автомате и уже не разговаривал.

Взяли: кусок рулевой тяги от того внедорожника (толстая цельнотянутая труба, годная как заготовка), два болта М14 из подвески, обрезок стального уголка и — главное — целый комплект хомутов с топливной ramпы.

Ремонт получился уродливым.

Я не мог выточить палец. Я мог только соединить то, что было, так, чтобы оно держало усилие и не рассыпалось на первой кочке.

Мы срезали остаток тяги, посадили в стык кусок трубы от внедорожника с натягом, прошили насквозь болтом М14 — Катя сверлила ручной дрелью из ЗИПа сорок минут, до кровавых мозолей, — и поверх стянули всё тремя хомутами и проволоочной скруткой в шесть жил.

— Держать будет? — спросила она, отползая из-под машины.

— Триста километров. Может, пятьсот. Потом разобьётся люфтом и полетит опять.

— До «Заслона» хватит?

— До «Заслона» хватит.

Она легла на спину прямо в глину и закрыла глаза.

— Я больше не могу, — сказала она в небо.

— Можешь.

— Я. Больше. Не могу.

— Ты можешь, — сказал я. — Просто не хочешь. Это разное.

Она открыла один глаз.

— Ты хоть раз в жизни говорил человеку «спасибо»?

Я задумался.

Честно задумался, потому что вопрос был технический: происходило ли это событие. Я полез в память и не нашёл ни одного случая.

Впрочем, это ничего не доказывало.

— Возможно, — сказал я. — Не помню.

— Вот и я о чём, — она снова закрыла глаз.

Ночевали там же. Ехать в темноте на трёх хомутах и проволоке было нельзя.

Костёр разводить я запретил — открытый огонь в тумане виден за километры, а тепловой след держится ещё час после. Вместо костра взяли примус, поставили его в углублении за колесом и грели воду по очереди.

Ели сухой паёк. Синтетическое мясо, галеты, порошок, из которого при добавлении воды получается что-то среднее между супом и клеем.

Катя отмывала руки — отмыть их до конца было нельзя, глина въелась в трещины и под ногти, — и хмуро смотрела на разбитые костяшки.

— Слушай, — сказала она. — Спросить хочу.

— Спрашивай.

— Вот ты дойдёшь до «Заслона». Тебе там всё починят, дадут этот твой модуль, ты станешь бодрый и здоровый. Дальше что?

— Дальше «Сад».

— Не, я не про точки на карте. Я про потом. Вот ты всё нашёл, всё включил, у тебя тысяча железок и ты этот, как его, Кукловод. И что ты будешь делать?

Я не стал отвечать сразу.

Не потому, что не знал. Потому что знал слишком хорошо и понимал, как это прозвучит.

— Порядок, — сказал я.

— Чего?

— Я наведу порядок.

— Это как?

Я поставил кружку на колено.

— Ты видела Шлюз. Двадцать тысяч человек на угольной пыли. Вода из трубы, в которой глисты. Дети умирают от поноса — не от пуль, Катя, от поноса, потому что некому хлорировать воду. Электричество есть у того, у кого генератор, а генератор у того, у кого автомат. Каждый квартал держит своя банда, и границы между ними проходят по трупам.

— Ну.

— При этом там стоит рабочая водонапорная башня. Я её видел с камеры, когда мы проезжали. Она целая. Там нужен насос, фильтр и человек, который будет раз в сутки открывать задвижку по расписанию.

— И?

— И никто этого не делает. Двадцать лет. Потому что каждый, у кого есть автомат, считает, что чинить водокачку — не его дело. А тот, кто мог бы чинить, боится, что у него отнимут инструмент.

Я допил.

— Мне не нужно ничего изобретать, — сказал я. — Всё уже построено. Оно просто стоит и гниёт, потому что никто не имеет права заставить. Я буду иметь право.

Катя молчала.

— Ты будешь заставлять людей? — спросила она наконец.

— Я буду заставлять систему работать. Люди — часть системы.

— Это разные вещи, Леша.

— Это одна вещь, — сказал я. — Просто она тебе не нравится.

Она сидела и смотрела на примус.

Я ждал спора. Я даже приготовил аргументы: про смертность, про воду, про то, что за три недели в Шлюзе умирает больше людей, чем я убил за всю свою жизнь, включая машинный зал и весь коллектор.

Спора не было.

— Знаешь, что самое страшное? — сказала она. — Что ты сейчас говоришь это так, будто рассказываешь, как радиатор поменять.

— А как надо?

— Не знаю. Как-то по-другому.

Она помолчала.

— Когда Барон в Шлюзе решал, кого на органы, он тоже про порядок говорил, — сказала она. — Он вообще любил про порядок. У него бумажка висела в кабинете, правила для своих. Я читала. Там первым пунктом было: «не воруй у своих».

— Барон был мародёр с амбициями.

— А ты кто?

— Я инженер, — сказал я. — Разница в том, что у меня всё работает.

Она подняла на меня глаза.

— Вот это и страшно, — сказала она.

Потом достала тетрадь.

— Ладно. Моя очередь.

— В смысле?

— В смысле я тоже расскажу. Не только тебе платить.

Я не просил. Но и отказываться было глупо: информация об операторе — это ресурс.

Она сидела, обхватив колени, и говорила, глядя не на меня, а куда-то в туман.

— Я тебе говорила, мать ушла, когда мне семь было. С караванщиком. Записку оставила, я её наизусть помню: «Не нанималась гнить в нищете».

— Помню.

— Так вот, я тебе не всё сказала. — Она поковыряла ногтем шов на штанине. — Она живая.

Я не отреагировал. Молчание работает лучше вопросов.

— Она в Приречье живёт, — сказала Катя. — Это на юг, дней пять пути. У неё там дом, муж, двое пацанов. Караванщик её тот давно помер, она с другим сошлась, нормальный мужик, при деле. Я узнала года три назад, случайно. Торгаш один сказал, он их знает.

— И?

— И ничего.

— Ты туда не ходила.

— Нет.

— Почему?

Она долго молчала.

— Знаешь, чего я боюсь? — сказала она. — Я не боюсь, что она меня выгонит. Я боюсь, что не выгонит. Что откроет дверь, заплачет, обнимет и скажет: доченька, я так по тебе скучала.

Я ждал.

— И я ей поверю, — сказала Катя. — Вот чего я боюсь. Что я поверю и останусь. И буду там жить, и мыть посуду, и нянчить её пацанов. И через год я буду думать, что всё, что со мной было, — это как будто не со мной.

Она наконец посмотрела на меня.

— У меня, кроме этого всего, ничего нет, Леша. Вообще ничего. Отец в земле, дом в земле, из вещей — тетрадь и пушка. Если я и это отдам, от меня не останется совсем.

Я слушал.

И фиксировал.

Не «сочувствовал» — я не уверен, что у меня есть под это функция. Я фиксировал важное: оператор имеет доступный путь отхода, знает о нём и сознательно им не пользуется. Мотив удержания — не привязанность к цели, а страх утраты идентичности.

Это устойчивая конфигурация. Устойчивее любой преданности.

И одновременно это точка приложения силы: в момент, когда она решит, что уже потеряла себя здесь, путь отхода перестанет её пугать.

Я это отметил.

А потом, отдельно, отметил, что отметил.

— Чего молчишь? — спросила она.

— Думаю.

— О чём?

Я мог сказать правду. Мне даже стало любопытно, что будет.

— О том, что ты сильнее, чем считаешь, — сказал я.

Не ложь. Просто не всё.

Она хмыкнула, но было видно, что попало.

— Запиши, — сказала она и протянула тетрадь. — Сам. Твоей рукой.

— Зачем?

— Затем, что я тебе про свою мать рассказала, а это никому не рассказывают. Пусть будет твоим почерком. Чтобы я знала, что ты слушал.

Я взял карандаш.

Пальцы плохо держали — они после вчерашней возни с отвёрткой вообще плохо держали, — и почерк вышел кривым, чужим, но это был мой почерк.

Мать Кати жива. Приречье, пять дней на юг. Муж, двое сыновей.

Катя знает и не идёт.

Подумал.

И дописал:

Не спрашивать. Она сама скажет, если захочет.

Вернул тетрадь.

Она прочитала. Дважды. Потом захлопнула и сунула в карман, и ничего не сказала, но сидела после этого по-другому.

«Шершень» разбудил меня в четвёртом часу.

Не звуком — я поставил ему беззвучный протокол, и он просто уронил мне в голову метку: цель, азимут, дистанция.

Я открыл глаза.

Дрон висел на двухстах метрах в трёх километрах к северу и смотрел вперёд по тракту.

Там был свет.

Не костры. Фары. Много фар, стоящих неровной цепочкой поперёк дороги, и между ними — движение: люди, силуэты, отблески на металле.

Я поднял дрона выше и включил тепловой.

Восемнадцать машин. Тридцать с лишним тепловых сигнатур. Тяжёлые тягачи, крытые фургоны, две цистерны, впереди и сзади — охранение на открытых пикапах с турелями.

На бортах фургонов, в инфракрасном плохо, но читалось, — эмблема. Шестерёнка и молот.

Караван Силуров.

Идёт на юг. Прямо на нас.

Глава 6

— Объехать не получится, — сказал я.

Катя сидела на подножке, кутаясь в куртку, и смотрела на экран планшета, куда я вывел картинку с дрона.

— Почему?

— Потому что дорога одна. Слева отвалы, справа старое шламохранилище. Мы уже проходили такое — грунт сверху держит, под ним жижа. Двенадцать тонн уйдут по башню.

— Ну можем пропустить их и постоять.

— Можем.

— Но не будем.

— Не будем.

Я перечислил.

— Первое. У нас правая тяга держится на трёх хомутах и проволоке. У обозного мастера в ЗИПе есть наконечники — у обозников всегда есть ходовая, они без этого не ездят. Второе. Мы потеряли внешний бак, у нас топлива на двести тридцать километров, а до «Заслона» сто восемьдесят, и это без запаса на объезды. Третье, и главное. Они идут на юг. Они оттуда, куда мы едем, и они знают, что там впереди. А мы не знаем ничего.

— А ещё, — сказала Катя, — они идут прямо в тех железок.

Я кивнул.

Она посмотрела на меня.

— И ты им это скажешь?

— Скажу.

— За деньги?

— За наконечник, топливо и информацию.

Она отвернулась.

Я не стал спрашивать, что ей не понравилось. Я и так знал, и мы оба знали, что я знаю.

Готовились полтора часа.

Первое: я посадил «Шершня». Не просто посадил — загнал его в кузов, накрыл брезентом и вырубил приёмник. Дрон корпоративного производства в руках человека на трофейном броневице — это не козырь, это повод для войны.

Второе: следы. Я велел Кате облить глиной свежие сварные и хомуты на тяге, чтобы ремонт не бросался в глаза как ремонт вчерашний. Чем скучнее мы выглядим, тем дешевле обойдёмся.

Третье: легенда.

— Мы кто? — спросила Катя.

— Вольные. Идём с юга на север, работа по контракту, наниматель не назван.

— И всё?

— И всё. Чем короче легенда, тем меньше в ней дырок. Не выдумывай подробностей.

Если спросят — молчи и смотри в сторону, это в Пустоши нормально.

— А ты?

— А я буду молчать.

Она обернулась.

— Совсем?

— Совсем. Говорить будешь ты.

— Ты охренел? — Она подскочила. — Ты у нас голова, ты и договаривайся!

— Я не умею.

Она застыла.

— Чего?

— Я не умею разговаривать с людьми, — сказал я. — Это не поза. Это факт, подтверждённый статистикой. Всё, что я делал с людьми за последние месяцы, — приказывал, шантажировал или убивал. Три раза я пытался договориться, и три раза договаривалась ты: с торговцем топливом, с Вебером, с Вонгом.

Про Вонга я знал по её тетради. Я произнёс это имя, как произносят слово из чужого языка, — правильно и без смысла.

— С обозным мастером надо торговаться, — продолжил я. — Торг — это последовательность уступок, за каждой из которых стоит оценка того, насколько неприятно человеку напротив. Я не считываю, насколько человеку неприятно. Я считываю пульс и температуру, а это не одно и то же.

Катя долго на меня смотрела.

— Знаешь, — сказала она, — вот сейчас я тебе почти поверила, что ты человек.

— Почему?

— Потому что ты признался, что чего-то не умеешь. — Она поправила куртку. — Ладно. Договариваюсь я. Но ты сидишь рядом и молчишь, и не корчишь рожу, будто тебе противно.

— Я не корчу.

— Ты корчишь всегда. Держи лицо попроще.

Караван мы встретили на рассвете, в узком месте между отвалом и остовом эстакады.

Точнее, это они нас встретили: я поставил броневик поперёк колеи, метрах в трёхстах перед сужением, и вывесил на антенну белую тряпку. Классика. Тряпка не гарантирует ничего, но она сообщает, что ты хотя бы читал правила.

Головной пикап остановился в ста метрах.

Турель на его крыше повернулась в нашу сторону. Крупный калибр. Ствол смотрел мне в лоб, и это было честно.

Из пикапа вышел человек и пошёл к нам пешком.

Один. Без оружия в руках — карабин остался на плече стволом вниз.

Я оценил его, пока он шёл.

Лет пятьдесят пять. Невысокий, широкий, с тем типом сложения, который не дают ни спорт, ни голод, — такие рождаются квадратными и остаются квадратными до конца. Ватник, поверх ватника — разгрузка, поверх разгрузки — брезентовый плащ. Борода седая, коротко стриженная. Левая кисть механическая, старая, дешёвая, но ухоженная: хром облез, а движения точные.

Шёл он спокойно и смотрел не на нас, а на нашу машину. На борта, на крыло, на разрез в крыше.

Он читал её, как я читаю код.

Катя вышла ему навстречу и остановилась в пяти шагах. Я встал у капота и сложил руки.

— Здорово, — сказала она.

— И тебе, — сказал он. — Обух. Обозный мастер, вторая колонна Силуров.

— Катя.

— Просто Катя?

— Просто Катя.

Он хмыкнул и перевёл взгляд на меня.

— А это кто?

— Напарник.

— Немой, что ли?

— Молчаливый.

Обух посмотрел на меня ещё секунды три, ничего не прочитал и вернулся к Кате.

— Чего встали поперёк дороги, просто Катя?

— Разговор есть.

— Разговоры денег стоят. У меня восемнадцать бортов, и я в графике.

— Разговор про твой график и есть.

Он сощурился.

— Ну, говори.

Катя оглянулась на меня. Я едва заметно кивнул.

— Через двадцать девять километров на север, — сказала она, — у вас на дороге будет разбитый караван. Пять машин, восемь трупов, груз нетронутый.

Обух не изменился в лице, но механическая кисть у него дёрнулась — один короткий тик, и всё.

— Ну, — сказал он.

— Их сожрали не люди.

— А кто?

— Шесть машин Штернов, — сказала Катя. — Три было «Шершней», лёгкие, летают. Восемь было «Векторов», это которые прыгают. Пятерых мы положили. Шесть осталось. Они там, они никуда не ушли, и они не грабят — они снимают с людей железо. Порты, глаза, протезы.

Обух очень медленно поднял левую руку и посмотрел на неё.

Потом опустил.

— Врёшь, — сказал он без злобы, скорее проверяя.

— Зачем мне врать.

— Затем, что за такую новость с меня можно сдоить.

— Можно, — сказала Катя. — И сдою. Но это не значит, что вру.

Он усмехнулся в бороду.

— Чем докажешь?

Я отлепился от капота, обошёл машину, открыл десантный отсек и вытащил то, что приготавливал заранее.

Кусок брони.

Пластина с корпуса того «Вектора», которого я снёс о перемычку насосной. Я срезал её ночью, пока ждал, — композит, слоёный, с характерным рисунком волокна и с клеем Корпорации в углу.

Положил на глину перед Обухом.

Он присел на корточки. Потрогал срез механической ладонью. Поднёс к лицу, посмотрел на клеймо.

Потом посмотрел на нашу машину, на смятое правое крыло, на срез перемычки, оставшийся на крыше, — и я увидел, как он всё сложил.

— Ты его чем? — спросил он у меня.

Я промолчал.

— Домом, — сказала Катя. — Он его домом сшиб.

Обух встал, отряхнул колени и минуту молчал.

— Сколько? — сказал он наконец.

Торговалась Катя.

Я стоял рядом, смотрел на отвал и слушал.

Она была хороша.

Она начала не с цены, а с истории: рассказала, как выглядела колонна, как лежали тела, как у водителя срезало голову по линии ушей. Подробно. Медленно. Она рассказывала это не для того, чтобы напугать, — она рассказывала это для того, чтобы он представил на месте того водителя своего.

К моменту, когда она назвала цену, он уже согласился внутри.

Взяли:

Два рулевых наконечника (не под нашу машину, но под наш диаметр конуса — Обух сам предложил, посмотрев на хомуты, и в этом месте я понял, что торг окончен в нашу пользу).

Двести литров солянки.

Ящик пайка, три банки консервированного мяса и — Катя настояла отдельно и почти скандально — четыре кило настоящей крупы.

И разговор. Час разговора у борта его фургона, под чай, который заваривал сам Обух в закопчённом чайнике.

Разговор был дороже солянки.

— В Шлюзе война, — сказал он.

Мы сидели на ящиках. Катя грела ладони о кружку. Я держал свою и не пил.

— Какая война?

— Обыкновенная. Делят. — Обух отхлебнул. — Как Барона свалили года полтора назад, так его наследники друг друга и жрут. А теперь ещё хуже стало: у них сеть легла.

— Что значит легла?

— А то и значит. Месяц назад по всему городу электричество вырубилось, связь легла, банки легли. Потом свет вернули, а порядок — нет. Кто с автоматом, тот и власть. Сейчас там трое сидят: Косой держит южные кварталы, Мазута — промзону, а рынок и центр — какая-то новая шваль, у них главный из бывших корпоративных, они себя «Порядком» зовут.

— «Порядком», — повторил я.

Это было первое слово, которое я произнёс за час.

Обух покосился на меня.

— Ага. Смешно, да? У них на воротах написано: «Порядок или смерть». А под воротами прошлой осенью восемнадцать человек закопали, я сам видел яму.

Я поставил кружку.

— Промзона, — сказала Катя. — Мазута — это кто?

— Из мастеровых поднялся. Гаражные кооперативы под себя подмял, всю технику держит. Если тебе в Шлюзе что чинить — только через него, и он за ремонт берёт долей.

— А если кто не хочет долей?

— А тот сидит без света, — Обух пожал плечами. — У него генераторы. Он в прошлом месяце одного не захотевшего в его же боксе и запер. Заварил ворота и ушёл. Через неделю вскрыли.

Катя очень аккуратно поставила кружку на колено.

— Как звали?

— Кого?

— Того, кого заварили.

— А чёрт его знает. Механик какой-то. — Обух почесал бороду. — Нет, вру. Не заварили того. Тот отбил, у него там крепость целая, ворота стальные и сам с пулемётом. Он и сейчас сидит, только его обложили, и воду ему перекрыли.

— Китаец? — спросила Катя.

Голос у неё не дрогнул. Я следил за биометрией: пульс ушёл со ста до ста тридцати одного за две секунды.

— Вроде да, — сказал Обух. — Старый такой, ага. Так ты его знаешь?

— Мимо проезжали.

— Ну-ну.

Он не поверил, но и не полез.

— А на север? — спросил я. — Что на север?

Обух повернулся ко мне всем корпусом. Кажется, ему было приятно, что немой заговорил.

— На север — хребет. А что тебе на севере?

— Завод.

Он сразу перестал улыбаться.

— «Заслон», что ли?

— Он.

— Не ходи.

— Почему?

Обух поставил кружку и вытер бороду.

— Я туда возил, — сказал он. — Три раза. Последний — весной. Дорога хорошая, там колея бетонкой шла, её кто-то чистит. Приходишь, тебя встречают, груз забирают, расплачиваются честно, товар дают хороший. У меня на второй колонне половина запчастей оттуда, и всё как новое.

— Так в чём проблема?

— В том, что там всё правильно, — сказал Обух.

Катя нахмурилась.

— Чего?

— Слишком правильно. — Он наклонился вперёд. — Вот смотри. Приезжаю я. Сгружаюсь. Меня кормят — горячим, в столовой, с посудой. Мне дают помыться. У них там дети бегают, чистые, в одинаковых куртках. Ни одного пьяного. Ни одной драки. Ни одного, понимаешь, ни одного человека, который бы на меня хоть раз косо посмотрел.

— И это плохо?

— Это неправильно, — сказал Обух с нажимом. — Я двадцать лет по этой земле езжу. Я знаю, как люди живут. Люди — это когда кто-то кому-то должен, кто-то кого-то ненавидит, кто-то пьёт, кто-то ворует. Всегда. Везде. А там нету.

— Может, у них просто дисциплина.

— Дисциплина — это когда боятся, — сказал он. — А они не боятся. Они довольные. Я за три ездки ни разу не видел, чтоб кто-то кому-то приказал. Они просто знают, кому что делать, и делают.

Он помолчал.

— Я там одного спросил: у вас начальник-то кто? А он мне: у нас Учитель.

Я не шевельнулся.

— И что за Учитель?

— Не показали. — Обух развёл руками. — Говорят, болеет. Я и не лез. Мне груз сдать да деньги взять.

Он посмотрел на меня.

— Тебе туда зачем?

— Работа.

— Ну-ну, — сказал Обух второй раз за утро.

Проблема случилась на выходе.

Мы уже погрузились — солярку перелили, наконечники Катя сунула в карман куртки, крупу прижала к груди, как ребёнка, — когда от заднего охранения к нам подошёл парень.

Молодой, лет двадцати двух, в хорошей броне, с дорогим импортным автоматом и с той походкой, которая бывает у людей, недавно получивших и то и другое.

Он шёл прямо на Катю и смотрел ей в лицо.

Точнее — в правый глаз.

— Э, — сказал он. — Это чего у тебя?

Катя остановилась.

— Глаз.

— Я вижу, что глаз. — Он подошёл на два шага ближе и наклонил голову, разглядывая.
— Это не гражданка. Это «Око», Марк-один. Военный прототип.

— И?

— И их двенадцать штук сделали, — сказал парень. — Всего. За такой на рынке в Цитадели полста тысяч дают. Ты его где взяла?

За его спиной подтянулись ещё двое.

Обух стоял в стороне, у борта фургона, и не двигался.

Проверял.

Я это понял сразу: он не потерял контроль над своими людьми, он смотрел, чем мы кончим. Обозный мастер имеет право посмотреть, кого он пропускает себе в тыл.

Катя очень ровно сказала:

— Подарок.

— От кого?

— От очень нервного спонсора.

— Слышь, — сказал парень и улыбнулся. — Ты понимаешь, что если бы ты его законно взяла, ты бы не на этом корыте ездила?

Он положил руку на цевьё.

Я не стал ничего говорить.

Я поднял «Шершня».

Брезент в кузове сдёрнуло потоком. Дрон вышел вертикально, с характерным тонким свистом, поднялся на четыре метра — и завис прямо у парня над головой.

Зелёный огонёк сенсорной головки медленно опустился и уставился ему в лицо.

Тишина стала другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.